

На правах рукописи

Гилемшин Флер Фоатович

**ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА КЫССА В СИСТЕМЕ ТАТАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX
– НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2022

Работа выполнена в отделе общей лингвистики Обособленного структурного подразделения Государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан» «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Галиуллина Гульшат Раисовна

Официальные оппоненты: **Насипов Илшат Сахиятуллович**, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заведующий кафедрой татарского языка и литературы Института филологического образования и межкультурных коммуникаций;

Кетенчиев Мусса Бахаветдинович, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», заведующий кафедрой Карачаево-Балкарской филологии;

Файзуллина Гузель Чахваровна, доктор филологических наук, доцент, Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова».

Защита состоится 16 июня 2022 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 022.006.02 при ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20 и на официальном сайте Академии наук Республики Татарстан ([http://www. antat.ru](http://www.antat.ru)).

Автореферат разослан «__» апреля 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. И. Ибрагимов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Исследование истории, текущего состояния, перспектив развития национальных языков, литератур предполагает разновекторные прочтения, актуализацию широкого спектра методов и приемов, одновременную проблематизирующую сфокусированность на разных содержательно-тематических уровнях. Микроособенности должны быть проанализированы и в аспекте макропроцессов, сквозь призму глобально-магистральных характеристик. Еще один важный элемент эффективного филологического исследования – рассмотрение совокупности реалий взаимодействия, системный анализ путей и механизмов контактирования, сценариев межкультурной коммуникации. Язык, литература, духовная культура этноса – открытые системы, пространство сближений и столкновений, коллективного и личностно-индивидуального. Эти подчас имплицитные оппозиции, в смысловом плане объемные гуманитарные «композиции» – сами по себе синтетические – требуют особой «расширенной» оптики прочтения, научного понимания. В этом плане представленная диссертационная работа являет собой пример многозадачного исследования, в рамках которого осуществляется интерпретация исторически сложившихся, перманентно трансформирующихся результатов диалога культур, этнохудожественных ментальностей. На примере истории одного литературного жанра мы фактически проявили полный неочевидных нюансов процесс становления, содержательного развития татарского языка. Это тот случай, когда художественные тексты в динамическом разрезе становятся релевантным материалом для лингвистических исследований.

Произведения, относящиеся к жанру кысса, занимают особое место в системе татарского литературного языка. Предпосылки возникновения и распространения этих произведений среди тюрко-татарского народа возникли еще на ранних этапах существования литературного языка. Однако как жанр с присущими ему лингвостилевыми особенностями, вобравшими в себя многие элементы литературного языка, кысса окончательно сформировался во второй половине XIX – начале XX века. Данный период характеризуется не только сложной общественно-политической обстановкой, непосредственно влиявшей на стратегии развития национальной культуры, но и определенной противоречивостью, переходностью с точки зрения формирования литературного языка.

В татарском языкознании сложилась прочная традиция исследования исторических письменных памятников в диахронии и синхронии, опубликованы монографии, посвященные изучению языка определенного периода, изданы обобщающие работы по истории татарского литературного языка. Огромным достижением в разработке теоретико-методологических основ исследования татарского литературного языка стал трехтомный монографический труд «История татарского литературного языка» (2015–

2020), посвященный комплексному последовательному описанию истории литературного языка, фундаментальными критериями которого являются такие понятия, как «норма» и «вариативность нормы»¹.

При всем многообразии исследований, направленных на выявление и осмысление проблем истории татарского письменного литературного языка, отсутствуют труды, в которых осуществлен комплексный анализ языка художественных вторичных произведений второй половины XIX – начала XX века, относящихся к жанру кысса. Эти произведения сыграли огромную роль в формировании современного литературного языка и становлении его литературных норм. Комплексное изучение текстов кысса с учетом анализа их разнородных особенностей, сложного внутреннего устройства, формирующего воздействия внешних факторов дает возможность проявить концептуальные трансформационные процессы, происходящие в языке, литературе, культуре и общественной жизни татарского народа.

В ходе анализа произведений были установлены важные сценарии литературно-художественного поиска наиболее приемлемых лексических единиц и грамматических форм, впоследствии принятых в качестве языковой нормы, обозначена конституирующая роль словесности в процессе «вызревания» и обогащения национального языка. Изучение языкового, стилистического своеобразия произведений жанра кысса сквозь призму лексико-семантических изменений, грамматических новшеств и вариаций, специфики построения текста вносит значительный вклад в решение как частных, так и общих проблем татарского языкознания, способствует определению ключевых схем развития татарского литературного языка.

К числу недостаточно изученных вопросов татарского языкознания относится многомерная реальность межкультурного взаимодействия, оказавшая существенное воздействие на становление и интенсивное самонаполнение татарского литературного языка. К актуальным и малоизученным сферам мы причисляем и этно-, лингвокультурологические измерения литературы, также играющие конституирующую роль в процессе формирования языка. На сегодняшний день в рамках татарской гуманитаристики нет исчерпывающих исследований таких релевантных

¹ Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадыйрова; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – I т. Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 696 б.; Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадыйрова, Р. Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – II т. Морфология. Грамматик категорияләренң структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 888 б.; Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, М. З. Вәлиева, Г. Ф. Гайнуллина, Х. Х. Кузьмина; фәнни ред. Ф. С. Баязитова. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – III т. Лексика. Лексик-семантик категорияләренң инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кис. – 528 б.; Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, М. З. Вәлиева, Р. Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф. С. Баязитова. – Казан: ТӘҺСИ, 2020. – III т. Лексика. Лексик-семантик категорияләренң инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кис. – 588 б.

составляющих национальной культуры, как традиции восточной классики, их значение в истории зарождения, «взросления» языка, словесности. Разработка обозначенных научных сюжетов тем более важна, что к числу факторов, обуславливающих глубинную самобытность татарской культуры, относятся, во-первых, ее генетическая связь с истоками – исламской литературой, типологическая связь с древним восточно-мусульманским мировоззрением, во-вторых, собственно национальный (ареальный) образ мира, национальные традиции, которые напрямую влияли на язык и стиль мышления. С принятием ислама Волго-Уральский регион вошел в зону общемусульманской цивилизации. В национальной культуре, в цивилизационной системе которой мы рассматриваем всю совокупность языковых реалий, наряду с исконными этническими традициями получили развитие традиции общемусульманской культуры. В основе этого сложного процесса – взаимовлияние разных, генетически неродственных культур: тюрко-татарской, арабской и персидской. Подобное интегративное явление было связано с особым – «высоким» – статусом как арабской и персидской культуры, так и культуры тюрко-татарского народа, приобщенного к исламу. В исследуемых нами произведениях взаимопроникновение обозначенных культур прослеживается на основных уровнях – структурно-композиционном, содержательном, языковом и стилистическом.

Объектом исследования являются художественные вторичные произведения второй половины XIX – начала XX века, относящиеся к жанру кысса, которые оказали значительное влияние на формирование современного татарского литературного языка, его литературных норм, национальной литературно-художественной традиции.

Предметом исследования выступают лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на формирование жанра кысса; стилистические приемы, объединяющие исследуемые произведения в единый жанр, содержательные и лексико-семантические трансформации, лексико-семантические особенности и морфологическая структура текстов кысса анализируемого периода.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в комплексном изучении богатой языковой системы художественных вторичных произведений второй половины XIX – начала XX века, объединенных в сложившуюся жанровую модель «кысса».

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– определить факторы, влияющие на формирование и развитие жанра кысса в контексте татарского литературного языка;

– отразить характерные черты татарского литературного языка второй половины XIX – начала XX века, на котором создавались произведения, относящиеся к жанру кысса;

– определить содержание и объем понятия «кысса» и описать картину становления и развития жанра в контексте арабско-персидско-тюрко-татарских литературных и культурных контактов;

– показать степень влияния оригинальных текстов на вторичные тексты, создаваемые татарскими просветителями;

– выявить стилевые и жанровые особенности исследуемых литературных памятников, которые, с одной стороны, выступают как переводные тексты, а с другой – им свойственна совершенно особая языковая, стилевая оригинальность;

– проанализировать лексико-семантические и морфологические особенности текстов кысса и выявить общее и особенное в контексте литературного языка второй половины XIX – начала XX века;

– установить и представить лексическое ядро изучаемых произведений и акцентировать его семантические особенности, проследить его место в подвижной системе литературного языка;

– выявить причины вариативности морфологических форм в языке исследуемых произведений и определить инвариантную форму, впоследствии ставшую морфологической нормой современного татарского языка;

– установить взаимосвязь языка произведений изучаемого жанра с тенденциями развития татарского литературного языка второй половины XIX – начала XX века.

Методология исследования. В соответствии с характером изучаемого материала и поставленных задач методология исследования заключается в комплексном подходе.

Основным методом решения поставленных задач стал диахронический анализ, который дополнялся методами синхронного анализа.

Для описания языковых фактов, обобщения и интерпретации, классификации фактического материала, для изучения и анализа теоретических материалов, описания языкового своеобразия каждого произведения использовался описательный метод.

В целях выявления изменений структуры и состава языка произведений, при определении генетической принадлежности лексем, при сравнении языковых явлений различных периодов применялся сравнительно-исторический метод.

Методы контекстуального и лексико-семантического анализа использовались при интерпретации семантики слов, изучении трансформационных процессов, происходящих при переводе текстов кысса на татарский язык.

Сравнительно-сопоставительный метод применялся при сопоставительном анализе текстов на татарском языке с оригиналами на арабском языке и переводами на староосманском языке, а также при сравнении исследуемых произведений.

Для определения жанровой и стилистической общности произведений был использован лексико-стилистический метод.

В целях определения этнонациональной специфики лексических единиц и морфологических форм, для выявления межъязыковых соответствий в текстах кысса применялся контрастивный метод.

Помимо лингвистических методов, в работе использованы литературоведческие и лингвокультурологические методы и приемы (структурно-семантический метод, прием медленного чтения, эстетический анализ и др.). Также были привлечены отдельные методы и приемы, факты смежных гуманитарных наук: истории, культурологии, теологии и философии.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые в истории татарского языкознания вводится в научный оборот широкий комплекс переводных произведений второй половины XIX – начала XX века, тексты подвергаются многофакторному анализу в контексте становления и развития современного татарского литературного языка, доказывається их принадлежность к жанру кысса, обосновывается их жанровая, стилистическая и языковая общность. В диссертационном исследовании впервые производится комплексный сравнительно-сопоставительный анализ оригиналов и переводов, выявляются общие и специфические черты, доказывающие в том числе оригинальность переводов как самостоятельных произведений.

Новизна работы состоит также в том, что произведения второй половины XIX – начала XX века, относящиеся к жанру кысса, не были прежде изучены в аспектах лексико-семантической вариативности и исторической морфологии, в контексте народно-разговорного и литературного языка, а также языка-оригинала и языка-посредника переводных произведений.

Теоретико-методологическую базу диссертационной работы составляют труды исследователей, в которых раскрываются: проблемы литературного языка (К. С. Аксаков, В. А. Богородицкий, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Ф. Будде, Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. И. Горшков, Е. А. Земская, Л. П. Крысин, Н. А. Мещерский, П. А. Плетнев, Б. А. Успенский, Ф. П. Филин, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и др.); вопросы теории и истории татарского литературного языка (Г. Х. Алпаров, И. Б. Баширова, М. З. Закиев, Л. Заляй, Х. Р. Курбатов, Э. Н. Наджип, Ф. Ш. Нуриева, Ш. А. Рамазанов, А. Н. Самойлович, Э. Р. Тенишев, Ф. С. Фасеев, Ф. С. Хакимзянов, В. Х. Хаков, В. Н. Хангильдин, Ф. М. Хисамова и др.); вопросы в области теории и истории перевода, литературных взаимодействий (Ш. Абилов, О. Ю. Багдасарян, М. П. Брандес, М. В. Вербицкая, А. Н. Веселовский, Д. Дюришин, В. М. Жирмунский, В. И. Карасик, Халыг Короглы, Л. К. Латышев, Ю. М. Лотман, Х. Ю. Миннегулов, А. Т. Сибгатуллина, А. Г. Тагирджанов, А. А. Тимерханов, Н. Ш. Хисамов, А. Д. Швейцер и др.); специфика и история изучения жанра кысса (Дж. Алмаз, М. Х. Гайнуллин, Р. К. Ганиева, П. А. Гринцер, Д. Ф. Загидуллина, Дж. Г. Зайнуллин,

Н. Ф. Катанов, А. П. Квятковский, Л. Х. Мухаметзянова, В. М. Насилов, А. Ш. Салихов и др.); лексико-семантические и морфологические аспекты татарского языка (Р. Г. Ахметьянов, Г. Р. Галиуллина, Ф. А. Ганиев, Р. Р. Замалетдинов, Ф. С. Сафиуллина, Д. Г. Тумашева, Ф. Ю. Юсупов и др.).

Материалом для исследования послужили: татарский перевод сборника сказок «Тысяча и одна ночь» («Мең дә бер кичә»), выполненный Ф. Халиди, под названием «Әлф ләйлә вә ләйлә», изданный в типографии Казанского университета в шести томах в 1897–1899 гг. Печатный вариант данного перевода в полном комплекте хранится в библиотеке ФИЦ КазНЦ РАН. Второй, неполный комплект перевода Ф. Халиди находится в Научной библиотеке КФУ. У этого комплекта отсутствует третий том. Для сравнения перевода «Тысячи и одной ночи» использовались книги на османско-турецком языке «Tercüme-i elf leylet ve leylet» – турецкий перевод сказок «Тысяча и одна ночь», который был издан в четырех томах в Стамбуле в 1870 г. Объем книг разный: 1-й том – 392 стр., 2-й том – 391 стр., 3-й том – 368 стр., 4-й том – 289 стр. В качестве арабского оригинала был использован комплект книг в четырех томах, изданных в Бейруте, в издательстве «Дарул-мактабатил-хилал», в 2009 г. Русскоязычный вариант представлен в переводе Михаила Салье, издан в 1996 г. в Москве, в 8 томах.

Книга «Тутинаме» («Тутыйнамә») Г. Фаезханова, изданная в Казани, в типографии Торгового дома «Братья Каримовы» в 1916 г. Объем – 175 стр. Источник хранится в Научной библиотеке КФУ. Для сравнения использовалась книга «Тутынаме» на староосманском языке (212 стр.), изданная в Каире в издательстве «Булак» в 1267 г. по хиджре (в 1851 г.). Доступна и в электронной версии.

Книга «Калила и Димна» («Кәлилә вә Димнә») в переводе Г. Фаезханова, изданная в Казани в 1889 г. Объем книги – 87 стр. Источник хранится в фондах Научной библиотеки КФУ. В качестве оригинала арабского текста была выбрана книга на арабском языке, изданная в Казани, в типографии «Миллят», в 1910 г., хранящаяся в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета. Она состоит из 326 стр., содержит подтекстный словарь на татарском языке. Русские переводы фрагментов из арабского оригинала были извлечены из книги «Калила и Димна» в переводе Б. Шидфар, изданной в Москве в 1986 г.

Книга «Рассказ о сорока визирях» («Кырык вәзир кыйссасы») К. Насыри издана в Казани в издательстве Казанского университета в 1851 г., в ней насчитывается 160 стр. Хранится в фондах Научной библиотеки КФУ. Источником татарского перевода стала книга на староосманском языке «Тарихе кырык везир». Табиг вә нәшире Аманият кутубханәсе. Матбагату Абу Дыя, 1321). Книга состоит из 261 стр.

Книга «Абугалисина» («Әбүгалисина кыйссасы») опубликована в 1894 г. в издательстве Казанского университета, состоит из 112 стр. Для сравнения использовали электронный вариант книги «Канжинаи хикмет» на

староосманском языке, хранящейся в Библиотеке Ататюрка муниципалитета Буюкшехир Стамбула (Турция). Год, место издания, типография не указаны.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке методики комплексного исследования текстов кысса второй половины XIX – начала XX века с жанровой, стилистической, структурно-композиционной, лексико-семантической и морфологической характеристикой в контексте языковой, общественно-культурной и исторической ситуации, способствующей созданию изучаемых произведений. Значимым является и введение в научный оборот печатных переводных текстов второй половины XIX – начала XX века в сравнительном аспекте с оригиналами и источниками-посредниками рассматриваемых произведений. Полученные результаты имеют важное значение для изучения истории становления современного татарского литературного языка и роли произведений, относящихся к жанру кысса, в этом процессе. Теоретическая значимость исследования помимо перечисленного определяется разработкой и последовательной апробацией комплексного рассмотрения сложных синергетических взаимосвязей языка, художественной литературы, этнической культуры, исторических процессов и религии.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены в составлении исторических словарей татарского языка, в преподавании в системе высшего образования общих и специализированных курсов по истории татарского языка, исторической грамматике, переводоведению, литературе, сравнительно-сопоставительному изучению языков и литератур, а также в качестве дополнительного и справочного материала для исследователей культуры, теологии и истории.

Основная гипотеза научного исследования: произведения, созданные во второй половине XIX – начале XX века на основе арабских оригинальных текстов и переводов на староосманском языке, продолжающие языковые и литературные традиции, заложенные на более ранних этапах, объединяют в себе жанровые и структурно-композиционные особенности, характерные для жанра кысса. Индивидуальная манера и стиль автора, взаимодействие формы и содержания, стилеобразующие факторы, языковое и стилистическое своеобразие, способы переосмысления первоисточника и интерпретация текста в рамках родной культуры автора-переводчика, взаимодействие разных языковых пластов и систем в рамках одного произведения, отличия в плане объема от оригиналов дают основание полагать, что рассматриваемые памятники являются самостоятельными произведениями. В их структуре и содержании наблюдается естественное присутствие арабского, персидского и собственно тюрко-татарского элементов. Исследуемые произведения создавались на основе народно-разговорного языка и отражают те тенденции, которые наблюдались в языке рассматриваемого периода. В этих произведениях наблюдается синтез восточных эстетико-литературных и языковых традиций и фольклорных мотивов татарского народа, а также проявляются собственно авторские элементы повествования. Анализируемые

произведения внесли существенный вклад в становление современного татарского литературного языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование языка письменных литературных памятников должно осуществляться в парадигме теории литературного языка в комплексе с экстралингвистическими факторами, т.к. описание становления и развития литературного языка позволяет объективно оценить и представить процессы, происходящие в языке определенного периода.

2. Жанр кысса в татарской культуре окончательно сформировался во второй половине XIX – начале XX века, базируясь на арабских оригинальных текстах и переводах со староосманского языка, который выступает в качестве языка-посредника. На основе комплексного анализа доказано, что произведения «Тысяча и одна ночь» («Мең дә бер кичә»), «Тутинаме» («Тутыйнамә»), «Калила и Димна» («Кәлилә вә Димнә»), «Рассказ о сорока визирях» («Кырык вәзир кыйссасы») и «Абугалисина» («Әбугалисина кыйссасы») относятся к жанру кысса, т.к. жанровая характеристика и анализ стилистических средств подтверждают их жанровую общность. Стилистические приемы указывают на традиции стиля письменного литературного языка анализируемого периода.

3. Проанализированные произведения привнесли в татарскую литературу новые сюжеты, обогатили татарский язык новыми стилистическими приемами и лексическими единицами, способствовали формированию новых языковых традиций. Трансформации, наблюдаемые в текстах кысса, произошли исходя из потребностей и возможностей как языка исследуемого периода в целом, так и с учетом особенностей мировосприятия татарского читателя. Авторы в едином контексте представили восточную экзотику и литературные традиции, сохраняя структуру оригинальных текстов; особое внимание было уделено назидательно-дидактическим аспектам. Используя хадисы и отрывки из Корана или же комментируя фрагменты религиозного и морально-этического содержания, авторы смогли передать эстетическую и смысловую нагрузку кысса, при этом синтезируя языковые средства старотатарского литературного и народно-разговорного языков.

4. Анализ лексического состава произведений позволяет выделить такие лексико-семантические элементы, как: заимствования – специфические слова и выражения, которые проникли в национальный язык преимущественно из арабского и персидского языков; семантические дивергенты – слова и выражения, имеющие одинаковую форму в языке оригинала или в языке-посреднике, но отличающиеся своим смысловым содержанием в татарском языке; слова и выражения, которые при одинаковом содержании в языке оригинала и в языке-посреднике имеют специфическую форму выражения в татарском языке; слова и выражения, которые в современном литературном татарском языке имеют различную частоту употребления или различную стилистическую окраску. В текстах

кысса заметно активное функционирование различных вариантов лексем, генетически восходящих к разным языковым группам, которые служат для обозначения того или иного понятия.

5. Лексический состав произведений указывает на продолжение традиций старотатарского литературного языка, также регистрируется стремление авторов отыскать наиболее приемлемые варианты слов, которые отражали бы природное своеобразие татарского национального языка. Образование новых наименований на базе татарского языка, гибридные варианты, а также попытки включения европейских заимствований в тексты показывают основные пути становления современного татарского литературного языка. Лексический состав произведений позволяет проследить процессы лексико-семантических изменений, происходящих в языке конца XIX – начала XX века, и специфику становления татарского литературного языка.

6. Морфологическая структура анализируемых произведений демонстрирует основные пути становления морфологических норм татарского литературного языка, сценарии взаимоотношений традиций старотатарского литературного и народно-разговорного языка, а также влияние арабского и староосманского языков.

7. Рассмотренные в диссертации произведения создавались на основе определенного прототекста на базе татарского языка рубежа XIX–XX веков и отражают те тенденции, которые наблюдались в языке исследуемого периода. В этих произведениях прослеживается синтез восточных литературных традиций и языковых тенденций с мотивами татарского фольклора, а также проявлены элементы авторского повествования.

Апробация работы. Основные положения и результаты настоящего исследования отражены в трех монографиях и 39 научных статьях, 15 из которых опубликованы в научных рецензируемых журналах, включенных в Перечень изданий, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Отдельные проблемы, затрагиваемые в исследовании, были неоднократно изложены на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Современные проблемы русистики и лингвометодологии» (Казань, 25–26 января 2010 г.); «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань, 29 сентября – 1 октября 2010 г.); «Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей» (Казань, 28 октября 2011 г.); «Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика» (Казань, 12–15 октября 2015 г.); «Лексикография в начале XXI в.» (Болгария, София, 15–16 октября 2015 г.); «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом, народно-разговорном дискурсах» (Кострома, 18–23 марта 2016 г.); «Татарское языкознание в контексте Евразийской гуманитарной науки» (Казань, 15–19 ноября 2021 г.); на Казанском международном лингвистическом саммите 2021 (15–19 ноября 2021 г.) и др.

Структура работы. В соответствии с поставленной целью, задачами принята следующая структура работы: введение, четыре главы с соответствующими параграфами и разделами, заключение, список источников и использованной литературы. В приложении к диссертации представлена общепринятая в тюркологии международная система графических знаков на основе латинской графики.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, раскрываются актуальность и научная новизна, формулируются гипотеза, объект, предмет исследуемой проблемы, оценивается состояние ее научной разработанности, определяются цель и задачи, дается характеристика методов и материала исследования, приводится теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, формулируются положения, выносимые на защиту, указываются источники исследования, дается общая характеристика структуры работы и приводится информация относительно апробации результатов исследования.

Первая глава **«Исторические и социокультурные предпосылки формирования и развития татарского литературного языка»** состоит из четырех параграфов, в которых рассматриваются теоретические аспекты литературного языка, факторы, влияющие на формирование и развитие татарского литературного языка в диахронии.

В первом параграфе **«Литературный язык: теоретико-методологические аспекты исследования»** раскрывается понятие «литературный язык», рассматриваются различные трактовки данной релевантной научной категории, дается детальный анализ состояния изученности данной проблемы в общем языкознании, тюркологии и татарском языкознании.

Многоаспектность, продолжительность формирования литературного языка определяют значительную сложность решения научных задач, связанных с проблемами языкового становления, развития. Поэтому в определении статуса и смыслового объема понятия «литературный язык» сосуществуют различные трактовки, имеют место разные точки зрения.

В отечественной лингвистике проблемам литературного языка, определению содержательных границ термина были посвящены работы К. С. Аксакова, В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Ф. Будде, Ф. И. Буслаева, В. В. Виноградова, Г. О. Винокур, А. И. Горшкова, Е. А. Земской, Е. Ф. Карского, Л. П. Крысина, Е. М. Лазуткиной, Н. А. Мещерского, П. А. Плетнева, А. И. Соболевского, Н. С. Трубецкого, Б. А. Успенского, Ф. П. Филина, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского и др. Несмотря на различные объяснения самого термина «литературный язык», во всех трактовках подчеркивается, что литературный язык является результатом коллективной творческой деятельности, отражает

существующую реальность, социум, в котором он реализуется, указывается тесная связь исследований литературного языка с изучением литературы, истории языка, письменности и культуры народа. Исследователи подчеркивают ведущую роль диалектов, «живого» разговорного языка в формировании и развитии литературного языка.

В татарском языкознании вопросы, касающиеся истории формирования литературного языка, теоретических аспектов понятия «литературный язык», рассматриваются в трудах тюркологов. Предложенные А. Н. Самойлович², Э. Р. Тенишевым³, Э. Н. Наджипом⁴ варианты периодизации легли в основу исследований татарского литературного языка, которые развивались и уточнялись в разработках теории татарского литературного языка таких ученых, как Г. Х. Алпаров, И. Б. Баширова, В. А. Богородицкий, М. З. Закиев, Л. Заляй, Х. Р. Курбатов, Ф. Ш. Нуриева, Ш. А. Рамазанов, Ф. С. Сафиуллина, Ф. С. Фасеев, В. Х. Хаков, В. Н. Хангильдин, Ф. М. Хисамова, Ф. Ю. Юсупов и др.

В ходе науковедческого обращения к трудам отечественных языковедов, представленного в первом параграфе, было установлено, что в современной лингвистике смысловые границы понятия «литературный язык» определены. Повсеместно подчеркивается, что его становление и развитие обусловлено не только языковыми факторами, на разных этапах эволюции литературного языка контексты, векторы языкового «движения» менялись в зависимости от внеязыковых реалий. В процессе разработки теоретических концепций относительно истории и современности татарского литературного языка, его периодизации учитывались разные подходы, принимались во внимание разные точки зрения. И все же на сегодняшний день в научной среде сложилось единое мнение и разработана единая научная концепция, трактующая проблемы и реалии возникновения, периодизации, формирования и развития литературных норм.

Во втором параграфе *«Факторы, влияющие на формирование и развитие татарского литературного языка»* было показано, что история татарского литературного языка непосредственно связана с письменным наследием народа. Рассмотрение данного вопроса было осуществлено в контексте богатого историко-культурного и литературного прошлого татар. Проанализированный материал, представленный в этом параграфе, свидетельствует о том, что одним из основных экстралингвистических факторов, влияющих на формирование и развитие татарского литературного языка, культуры в целом, является мусульманская цивилизация, в основе

² Самойлович А. Н. Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века / А. Н. Самойлович. – СПб., 1914 (Тип. Импер. АН). – 82 с. [56 с. староараб. паг.]

³ Тенишев Э. Р. Тюркоязычных письменных памятников языка / Э. Р. Тенишев // Языки мира. Тюркские языки: сб. ст. – М.: Индрик, 1997. – С. 35–46; Тенишев Э. Р. Избранные труды / Э. Р. Тенишев. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 256 с.

⁴ Наджип Э. Н. О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков / Э. Н. Наджип // Сов. тюркология. – 1970. – № 6. – С. 48–55.

которой – исламская религия. Языковые традиции, заложенные с момента возникновения ислама и обогащенные в последующие периоды созданными в арабском мире трудами, переведенными с древних западных источников, позже синтезировавшие элементы иранской культуры, оказали прямое воздействие на тюрко-татарскую культуру. Арабская, персидская и тюрко-татарская культуры были вовлечены в единое пространство, центральным компонентом которого выступал ислам, и религиозный фактор стал структурообразующим, ведущим к сближению разных культур. Изложенные факторы повлияли на формирование и развитие в татарской словесной культуре произведений, относящихся к жанру кысса, который вобрал в себя традиции восточной культуры и литературы.

В третьем параграфе первой главы *«Письменные памятники на старотатарском литературном языке: краткий обзор»* в целях наиболее полного представления роли и особенностей влияния мусульманской цивилизации на развитие литературного языка тюрки и его преемника – старотатарского литературного языка, а также для отражения взаимосвязи тюркских и заимствованных языковых элементов в языке художественных произведений был произведен краткий обзор письменных памятников.

Сформировавшиеся на литературном языке тюрки традиции со временем образовали базис региональных литературных языков. Письменные памятники, написанные на языке тюрки, свидетельствуют о глубинных и разносторонних взаимосвязях арабских, персидских и тюркских языковых элементов в системе произведений и эксплицируют влияние мусульманской идеологии на само произведение. Это явление наблюдается и при аналитическом рассмотрении материалов средневековой татарской литературы, которая включает в себя литературу болгарского, золотоордынского периодов, времен татарских ханств и позднего Средневековья. Обзор письменного наследия предков, начиная с творчества Юсуфа Баласагуни и заканчивая XVIII веком, показал, что арабо-персидские заимствования проникли под влиянием исламской религии и служили своеобразным стилевым маркером, были показателем аристократичности языка. Произведения были ориентированы на пропаганду мусульманства и, как правило, сохранили графическую традицию языка-источника. Народно-разговорный язык, зафиксированный в текстах рассмотренного периода, составлял основу произведений и был понятен широкому кругу читателей. Преобладание народно-разговорного компонента в литературном языке на последующих этапах развития старотатарского литературного языка только усиливается. Происходит интенсивное обогащение старотатарского языка новыми стилями, новыми формами. Заметно постепенное усиление влияния народно-разговорного языка на литературный язык во всех жанрах национальной литературы.

Четвертый параграф, озаглавленный *«XIX – начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка»*, посвящен

исследованию исторического периода развития татарского литературного языка, когда происходит расцвет жанра кысса.

XIX век занимает особое место в истории и культуре татарского народа. В языковом плане этот период характеризуется усилением влияния разговорного языка на литературный: наряду с аристократическим тюрки появляются произведения, написанные на старотатарском литературном языке, наблюдается процесс интенсификации использования лексики и грамматических форм, стилистических средств народно-разговорного языка, которые прошли через определенную эстетическую обработку, были подчинены нормам литературного языка того времени. В сфере функционирования тюрко-татарского письменного языка произошло обособление двух параллельно развивавшихся в течение многих веков аристократическо-авторитетного и народно-разговорного вариантов. При этом первый вариант все более обогащается арабо-персидской лексикой и тюркской архаикой.

В конце XIX века широкое распространение получили произведения, написанные с привлечением сюжетов и образов, относящихся к народному творчеству: «Кыссаи Буз егет» (1874) и «Кыссаи Тахир и Зухра» (1879) Ахмеда Уразаева-Курмаши (1855–1883); созданные на основе известного индийского произведения «Тутинаме»: «Китабе Тутыйнамэ» (1851) и «Хикмэтле тутый хикэяте» (1885); «Әлф Ләйлә вә Ләйлә» («Тысяча и одна ночь») (1898–1899) и др. Таким образом, идет процесс олитературизации разговорного татарского языка. Опираясь на разнообразные художественные источники, можно назвать конец XIX – начало XX века «золотым периодом» развития общетюркского письменного языка. Эпоху расцвета в значительной степени предопределило творчество известных просветителей татарского народа – Каюма Насыри, Габделгалляма Фаезханова, Фатиха Халиди, которые занимались изучением языка, истории, литературы, культуры татарского народа. В этом плане имеют важное значение их переводы памятников восточной литературы, которые стали определенной ступенью в формировании и развитии национального эстетического мировосприятия и миропредставления.

Как показал анализ, в рамках рассматриваемого периода татарский литературный язык расширяет свои функциональные возможности и в жанрово-стилистическом плане, его функционирование было осложнено наличием семи стилей со свойственным им комплексом различных риторических комбинаций и выразительных возможностей. Эти своеобразные типы письменной речи верифицируются в ходе длительных взаимодействий, «оттачиваются» на перекрестке книжно-письменной и живой разговорной форм языковой системы. В свою очередь, в зависимости от жанра, татарский литературный язык в функциональном плане имел такие отличительные черты, как варьирование языковых форм, параллельное употребление единиц, относящихся к разным неродственным языкам.

Вторая глава **«Язык жанра кысса как синтез литературной письменной и народно-разговорной форм татарского языка»** состоит из четырех параграфов. В главе приводятся аргументированные доказательства относительно того, что жанр кысса в татарской культуре окончательно сформировался во второй половине XIX – начале XX века, базируясь на арабских оригинальных текстах и переводах со староосманского языка, который выступает в качестве языка-посредника. Исследуемые нами произведения относятся к данному жанру, о чем свидетельствуют проведенные интерпретация жанровой природы, анализ стилистических средств.

В первом параграфе **«Вторичные тексты в татарской культуре»** уточняются содержательные границы термина «вторичный текст», дается расширенный обзор вторичных текстов, которые существуют в татарской литературе и культуре. В нашем исследовании под термином «вторичный текст» подразумевается новый текст, созданный на основе определенного прототипа – прототекста с использованием элементов перевода и пересказа. Было установлено, что, несмотря на большое количество научных работ⁵ в отечественной лингвистике, посвященных вторичным текстам, очевидно отсутствие единого подхода к решению данной релевантной гуманитарной проблемы.

В татарской филологии теория вторичных текстов продолжает оставаться одной из неразработанных тем, хотя по отдельным аспектам данного вопроса опубликованы работы⁶.

В процессе анализа было выявлено, что применительно к татарской литературе речь идет не о механическом влиянии, а о создании в результате взаимовлияния различных по типу творческого мышления литератур такой формы, которая стала общей для мусульманской литературы в целом. В результате диалога арабской, персидской, тюркской литератур и культур, влияния Востока возникло множество произведений, часть из которых

⁵ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. – М.: Прогресс, 1979. – 318 с.; Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.; Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Вербицкая. – М., 2000. – 47 с.; Карасик В. И. Типы вторичных текстов / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: тез. докл. науч. конф. (5–7 февр. 1997, Волгоград) / ВГПУ. – Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ун-та; Перемена, 1997. – С. 69–70; Касимова С. В. Содержание и границы понятия «вторичный текст» / С. В. Касимова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 28–31; Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 160 с.; Дымант Ю. А. Соотношение первичности и вторичности в произведениях В. В. Набокова: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Дымант. – Воронеж, 2017. – 243 с. и др.

⁶ Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и восточная классика / Х. Ю. Миннегулов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – 383 с.; Салимова Д. А. Двужычие и перевод: теория и опыт исследования / Д. А. Салимова, А. А. Тимерханов. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. – 286 с.; Хабибуллина Э. К. Языковые трансформации при переводе татарской литературы на турецкий язык: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. К. Хабибуллина. – Казань, 2016. – 19 с. и др.

генетически является вторичными текстами. К этой группе относятся такие произведения, как поэма Кул Гали «Сказание о Йусуфе» («Кыссаи Йосыф»; 1233) и назире (подражания) этому произведению; поэма Кутба «Хосров и Ширин» (1342); произведение Саифа Сараи «Гулистан бит-тюрки» («Тюркский Гулистан»; 1391); произведение Хорезми «Мухаббат-намэ» («Книга о любви»; 1354); под влиянием тафсиров и «сиратен-наби» (сочинений, рассказывающих о жизни Мухаммада) рождаются дидактико-назидательные произведения: «Кыссас аль-анбия» («История пророков»; 1310) Рабгузи, «Нахдж аль-фарадис» («Открытые врата в рай»; 1358) Махмуда Булгари и др.

Влияние арабской и персидской литератур продолжалось и в более поздние периоды, татарская литература продолжала обогащаться как оригинальными, так и вторичными художественными произведениями.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в художественном процессе преобладало синтетическое начало, обусловленное естественностью присутствия арабского, персидского и собственно тюрко-татарского компонентов. Кроме того, в Средневековье индивидуально-авторскому, творческому началу отводилась второстепенная роль. Художник видел свою задачу в воспроизведении устоявшихся приемов, в выражении общезначимых идей и понятий, в передаче известных сюжетов и мотивов, в наполнении их новым содержанием и т.д. Источником тем и сюжетов для многих произведений татарского Средневековья, а также в более поздние периоды послужили памятники персидско-таджикской и арабской литературы. Художественные вторичные тексты, возникшие под влиянием этих литератур, развитых образно-эстетических систем, не являются прямыми переводами. Они обогащены сюжетами и мотивами той среды, в которой жили и творили наши предки. Авторы, используя уже известные сюжеты и мотивы арабских и персидских произведений и опираясь на их композицию, создали оригинальные произведения на татарском языке.

Во втором параграфе *«Жанр кысса как объект филологических исследований»* раскрывается понятие «кысса», анализируются различные трактовки термина, рассматриваются произведения, содержащие в названии лексему «кысса»; обзревается труды ученых, обративших свое внимание на исследуемые нами произведения.

В отечественной филологии встречаются различные трактовки термина: кы'сса, кысса (араб. – сказание, рассказ) – литературный и фольклорный жанр историко-героического или любовно-приключенческого характера. Распространен на Ближнем и Среднем Востоке, в Средней и Юго-Восточной Азии. Кысса во многом близка к дастану⁷; термин قصة «кысса» имеет арабское происхождение и переводится на русский язык как «история, рассказ, повесть, новелла»⁸; кысса (араб. рассказ, историческое повествование, событие) – название эпического и лиро-эпического жанра в восточной литературе и фольклоре. В арабской, персидской, турецкой

⁷ Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: Сов. энцикл., 1966. – С. 65.

⁸ Баранов Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 639.

литературе часто употребляется в значении рассказ (хикэят), сказка, повесть, поэма, легенда, предание, дастан, басня (мэсэл) и др.⁹

В восточной литературе и культуре встречаются различные трактовки: так, в турецкой науке для обозначения понятия «сказка» используется производный от арабских «месель» («mesel») и «амсал» («amsal», мн.) термин «масал» («masal»), переводимый на русский язык как «сказка», «басня», «байка», «легенда», «небылица», «побасенка», «домысел». До начала XX века понятие «сказка» в среде турецких литераторов могло обозначаться целым рядом терминов: «масал» («masal» – сказка), «кысса» («kissa» – сказание, повесть), «дестан» («destan» – былина, поэма), «хикэяе» («hikaye» – рассказ), что было обусловлено полифункциональным характером жанров и общим для них арсеналом стилистических приемов – элементы сказки буквально пронизывали романические и героические поэмы, обрамленные повести и другие традиционные жанры турецкой литературы Средних веков и Нового времени¹⁰; «...в таджикском литературоведении при изучении и классификации эпических произведений персидско-таджикской классической литературы ученые применяют два термина. Для одних произведений применяют термины *дастан* и *кысса* (дастан, сказание, рассказ), а для других прозаических произведений используют термин *роман*»¹¹.

В результате анализа было установлено, что термин «кысса» объединяет довольно большое количество жанров, основной характеристикой которых является повествование, часто основанное на сказочном сюжете, комбинировании фольклорных мотивов и письменных литературных традиций. В произведениях, относящихся к жанру кысса, также часто наблюдается слияние переводных и оригинальных литературных мотивов и языковых, стилистических форм разных языков.

В данном параграфе мы рассмотрели произведения татарской литературы, содержащие в названии лексему «кысса». Результаты исследования позволяют нам утверждать, что в истории татарской литературы существовала традиция объединения под общим названием «кысса» произведений, написанных в поэтической или смешанной с прозой форме, для которых характерны «смешанное» повествование, комбинирование фольклорных мотивов и письменных литературных традиций. Одной из распространенных форм этого жанра является обрамленная повесть (*кысалы кысса*), которой свойственно объединение посредством связующей повествовательной рамки разнородных рассказов новеллистического, сказочного или басенного типа. Их «ящичная»

⁹ Эдэбият белеме: Терминнар һәм төшенчэләр сүзлеге. – Казан: Мәгариф, 2007. – Б. 92.

¹⁰ Ларионова Е. И. Современная турецкая литературная сказка: типология и эволюция жанра: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»: дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Ларионова. – М., 2009. – С. 28.

¹¹ Салихов Ш. А. Роман в таджикской литературе XX века (проблемы формирования жанра): специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ш. А. Салихов. – Душанбе, 2011. – С. 17.

композиция превратилась в ведущий жанр мусульманской литературы. Обзор трудов, в которых рассматриваются те или иные аспекты исследуемых нами произведений, позволил сделать вывод о том, что они привлекали внимание как литературоведов, так и лингвистов.

Третий параграф *«Жанровые и стилевые особенности текстов кысса»* состоит из двух подпараграфов. В первом дается общая характеристика творческой деятельности авторов кысса. Такой подход был выбран в связи с тем, что при рассмотрении стиля того или иного текста необходимо учитывать следующие факторы: кто является автором изучаемого текста, в каких пропорциях, формах автор воспроизводит язык изучаемого периода, какие социальные нормы существуют, какие приемы применяются автором для эстетического воздействия, в какой среде и в каких социокультурных условиях создается текст. Это ключевой момент, потому что их эстетические предпочтения, языковые приоритеты оказали сильное влияние на формирование татарского литературного языка.

Обзор творческой, просветительской деятельности авторов позволил установить, что все они являются видными деятелями науки и культуры своего времени. Они владели арабским, персидским и турецким языками, видели свою миссию в приближении письменного литературного языка к народно-разговорному языку.

Второй подпараграф *«Жанровые и стилеобразующие факторы»* направлен на выявление общности рассматриваемых произведений. Исследование позволило отчетливо зафиксировать общие жанровые и стилеобразующие факторы, которые дали основание рассмотреть их в рамках одного жанра. Помимо общих стилеобразующих средств в каждом произведении четко прослеживаются индивидуальная манера автора, специфика оригинала текста, которые делают их эстетически, культурно уникальными.

Основным стилистическим приемом, характерным для всех произведений жанра кысса, является использование элементов сказки. Данный прием лежит в основе всех рассматриваемых нами произведений, несмотря на то что композиция текстов отличается.

К жанрообъединяющим признакам относится и оформление вводной и заключительной части произведений. Вводная часть текстов указывает на их общность со сказками. Для описания событий используются прошедшая или давнопрошедшая временные формы, а также специальные лексические единицы, выражающие данный тип темпоральности (*qadim zamanda; täwarix kitablarynda* и др.).

В заключительной части всех анализируемых произведений заметна дидактическая тенденция, однако здесь привлекают внимание некоторые отличия. Например, рассказы внутри произведений с рамочной конструкцией демонстрируют близость текстов кысса к народным жанрам, они оформлены в виде дидактико-назидательных выражений, притч.

Концовки произведений «Тысяча и одна ночь» и «Тутинаме» созвучны с заключительной частью татарских народных сказок. В заключительной части «Калила и Димна» и «Абугалисина» прослеживается религиозный контекст, характерный для письменного литературного наследия. В тексте «Рассказ о сорока визирях» элементы народных сказок и религиозный контекст представлены в синтезе.

Объединяющей линией всех рассматриваемых произведений является использование вставочных элементов (рассказов, новелл), связанных с основным замыслом текстов. В качестве общей особенности анализируемых сочинений можно выделить простоту языка, что связано с повествовательным характером, общим со сказками. Стилистической общностью является наблюдаемый во всех произведениях плавный, монотонный, лишенный внутреннего напряжения ритм описания. Еще одна из стилистических особенностей – неприметный образ автора. В анализируемых нами текстах повествование ведется от имени одного из героев произведения или же от имени третьего лица, который в основном представлен в начале произведений (*wäzır äjtde* ‘визирь сказал’ или *xatun äitde* ‘женщина сказала’, *qart äjtäder* ‘старик говорит’ и др.) Также приводится ссылка на исторические летописи, в которых данная история уже была рассказана.

Во всех произведениях активно используются арабские и персидские заимствования. Среди лингвостилистических специфических реалий анализируемых произведений повсеместно фиксируется влияние языка-посредника. Часть лексики турецкого языка не переводилась на татарский язык. Авторы для более точной передачи смысла произведений оставили их в такой же позиции, как и в турецком варианте. Эта примечательная тенденция прослеживается во всех произведениях.

К объединяющей лингвостилистической особенности исследуемых текстов можно отнести использование различных стилистических приемов, характерных для татарского языка, а также заимствованных из восточной культуры, – большинство из них стали впоследствии частью национальной лингвокультуры. Например, сравнительные конструкции, используемые в моделировании художественных портретов героев. Они однотипные и направлены на усиление воздействия на читателя описываемых событий, происшествий и героев. Подавляющее большинство подобных сравнений основано на народных традициях и является элементами народно-разговорного языка. Они зафиксированы в пословицах и афоризмах татарского народа и в настоящее время активно используются как в текстах современной татарской литературы, так и в разговорной речи. Например, наиболее распространенным является сравнение красоты с полной луной (*тулган ай*): *tulğan aj kebek*, *ajnuñ undürtenä oxşar*, *ajnuñ undürtençe kiçäse kebek* и др. В татарской лингвокультуре такое сравнение не применяется в отношении мужской красоты, однако в текстах кысса оно довольно активно

используется. Мы полагаем, что данный стилистический прием заимствован из восточной культуры.

В рассматриваемых произведениях отчетливо ощущается использование элементов народно-разговорного языка, что также является важным стилистическим и жанровым признаком. Это прослеживается в актуализации сравнительных оборотов, активно функционирующих в разговорном языке. К переводам текстов авторы подошли творчески, используя широко распространенные в татарском народно-разговорном языке эквиваленты, тем самым делая произведения более понятными для читателей: *At qojryğyna katqan bozlar şikelle härbere maçu qadär, ere baqalar* и др.

Еще одним стилистическим приемом, указывающим на близость языка кысса к народно-разговорному языку, является употребление пословиц, поговорок и устойчивых выражений, распространенных среди татар. Такой прием задает дидактико-назидательный характер жанру произведений. Эта разновидность лексики активно выступает в качестве педагогического средства воздействия, является своеобразным кратким моральным кодексом, выработанным многовековым опытом народа. В текстах кысса мы можем атрибутировать как специфические, отражающие менталитет татар лексические единицы, так и универсальные, встречающиеся в культуре мусульманских стран, проникшие с исламом и ставшие частью духовной культуры народа. Учитывая жанр произведений, можно констатировать, что большую часть включенных идиоматических выражений составляют те, которые глубоко залегли в культурную память народа и приняли на себя большую смысловую нагрузку и активность функционирования в народно-разговорном языке: *Jaxşy aşlar digänne aşaw tügel, töşendä dä kürmägän ide* [КД: 15] ‘Хорошую еду не только не ел, даже во сне не видел...’; *ülüçeneñ köne citmäsä üterüçeneñ quly citmäş digännär* [Әбу:73]. ‘Говорят, пока не наступит день смерти, рука убийцы не дотянется...’.

Часть этой группы лексики употребляется в настоящее время без изменений: *ilçegä ülem juq* [Әбу:50] ‘послу смерти нет...’; *qaqma keşe qarqasyn, qağarlar üz qarqañny* [Әбу:55] ‘Не стучи в чужие ворота, постучат и в твои ворота’; *Et simersä ijäsen qabar dijärlär* [КВ: 11] ‘Зажравшаяся собака укусит хозяина’; *Dönjanyñ ačysyn töçesen tatysyn* [КВ: 12] ‘Пусть хлебнет и горя и радости’ и др.

Фразеологический фонд текстов кысса также базируется на народно-разговорном языке татар. Большинство таких выражений активно функционирует в татарском языке сегодняшнего дня: *xäräkät bäräkätendä* [КД: 14] ‘Возможно, благодаря этому движению, покинет горе мою душу...’; *selek şikelle eget, qaşyqly su belän jotarsyñ* [КВ: 53] ‘Прекрасный парень с изящной фигурой, можно проглотить его с водой из ложки...’ и др.

Анализируя структурные и смысловые особенности пословиц и поговорок, мы заметили, что большую их часть составляют те единицы, содержательный или языковой контекст которых заимствован из восточной культуры и отражает религиозное мировосприятие народа: *Täqdirdä*

jazylğandan hiçber ziräk qotylmas [КД: 11] ‘Ни один мудрец не сможет избежать того, что суждено ему по предопределению’; *Ämma xatynlar şajtandyр, niçek bulsa da aldab şäjexne äjtderde* [КВ: 11] ‘Однако, как говорят, женщина подобна шайтану, она обманным путем смогла заставить шейха раскрыть свой секрет...’ и мн. др.

Таким образом, было выявлено, что жанровая характеристика и анализ стилистических средств, широко распространенных в произведениях, подтверждают их жанровую общность. Вышеперечисленные эпизоды указывают на традиции стиля письменного литературного языка рассматриваемого периода. В языке произведений переплетены элементы народно-разговорного и старотатарского литературного языка. В текстах прослеживается синтез народной, арабской и персидской культур.

Четвертый параграф **«Трансформации при переводе текстов кысса на татарский язык»** показывает диапазон изменений, которые произошли при переводе и создании нового текста, отличающегося от прежнего текста формой и средствами выражения. При этом текст остается эквивалентным оригиналу в плане содержания и стилевой принадлежности. В работе рассмотрены основные внеязыковые трансформации, касающиеся структуры и стиля, которые фиксируются в произведениях. Как было выявлено, языковые трансформации произошли на всех языковых уровнях, однако наиболее важными являются семантический и лексический уровни, на которых происходит художественное, лингвокультурное преломление татарского менталитета. В работе для более наглядной демонстрации различий и общих моментов в оригиналах и переводах, выполненных татарскими просветителями, сопоставили все варианты произведений.

В результате анализа были определены конкретные сценарии трансформации: в татарских вариантах произведений не содержатся элементы эротического характера. Татарские авторы всячески старались обойти непристойные описания, заменив их более нейтральными или же пропустив эти фрагменты. Трансформации касались имен собственных, как, например, в тексте «Гутинаме»: в оригинале рассказывается про индийский город Сурат, а в татарском переводе он заменен на название местности в Восточной Иордании – Суф; язык татарских переводов отличается лаконичностью и «сухостью», скупостью описания.

Различие наблюдается и в структуре текстов, а также в употреблении стихотворений. В отличие от оригиналов или турецкого варианта, они представлены в меньшем количестве, подвержены частичному или вольному переводу или же представлены без перевода, оснащены лишь комментариями.

Наблюдается творческий «трансформирующий» подход татарских авторов в виде замены деталей: в татарском варианте «Сказки о купце и духе» Ф. Халиди образ коровы из арабского и турецкого вариантов заменен на козу; в «Калиле и Димне» Г. Фаезханова в рассказе про обезьяну и

плотника обезьяна защемила бревном половые органы, а в арабском оригинале – свой хвост, и др.

«Новаторство» татарских переводчиков прослеживается на примере сравнения: в арабском и турецком вариантах сказки «Тысяча и одна ночь» говорится о том, что слон служит в качестве пищи для птенцов Руха. В татарском переводе лексема *фил* (кебек) (как) ‘слон’ используется для компаративного обозначения размеров птенцов Руха. Автор-переводчик для восприятия содержания умышленно использовал более понятные для восприятия, распространенные в татарском языке стилистические приемы.

Сокращение текста и уход от подробного изложения источника наблюдаются во всех произведениях. Однако наличие подобных кратких версий татарских переводов встречается не всегда. Обычно татарские тексты по объему больше, чем оригиналы произведений. Авторы-переводчики своеобразно подходят к передаче формы и содержания текстов оригиналов. Заметен авторский подход к переводу – переводчики переосмысливают тексты исходя из потребностей читателей. Большинство рассказов интерпретируемых произведений полноценно передают содержание как арабского оригинала (в случае «Тысячи и одной ночи»), так и турецких вариантов.

Общей особенностью является употребление заимствованных единиц, а также передача арабских и персидских, турецких слов и выражений без изменений. Этот прием часто наблюдается при передаче общих для исламской лингвокультуры реалий: «*Wä ğalläm Adämä äsmä'ä küllähä*» [КД: 11] «О, Адам, сообщи имена их»; *jaxša Allaha min ğibadihil-ğulama bujurmyşdyr imdi* [ТН: 16] ‘Боятся Аллаха среди Его рабов только обладающие знанием’. Помимо этого, в татарских переводах часть лексических единиц комментируется на татарском языке. Иногда авторы пропускают арабские фразы, приведенные в турецких вариантах, вместо этого транслируют их содержание на татарском языке. Как показывают наши наблюдения, авторы анализируемых произведений стараются использовать лексическую замену в тех случаях, когда наименования описываемых реалий не употребляются или же имеют пассивное употребление в татарском языке. В таких случаях авторы стараются актуализировать знакомые татарскому читателю эквиваленты или синонимы.

Таким образом, проведенный анализ позволил прийти к следующему выводу: авторы-переводчики сумели передать восточную экзотику, специфику литературной традиции, сохраняя структуру текстов оригиналов; особое внимание уделили назидательно-дидактическим аспектам, используя хадисы из Корана или же комментируя фрагменты религиозного и морально-этического содержания; смогли передать эстетическую и смысловую нагрузку кысса, синтезируя языковые средства старотатарского литературного и народно-разговорного языков.

В третьей главе **«Лексико-семантическая вариативность в художественных текстах жанра кысса и ее роль в развитии татарского литературного языка»** делается попытка определить и объективно представить лексическое ядро изучаемых произведений и выявить его

семантические особенности, проследить его место в литературном языке. С этой целью рассматривается лексический состав произведений в рамках отдельных лексико-тематических групп.

В первом параграфе рассматривается *лексика, относящаяся к религиозной тематике*. Религиозная картина мира выстраивается относительно главного имени Бога. В текстах исследуемых произведений в значении ‘Аллах’ активно используются лексемы *Allah* и *Täğälä*, эпитеты Аллаха – *Gafur* ‘Милующий’, *Räxim* ‘Милосердный, милостивый’, *Хаq* ‘Истинный’, *Räzzaq* ‘Питающий’, *Mutäğali* ‘Превознесенный’, *Xaliq* ‘Творец, создатель’, *Cäläl* ‘Величественный’, *Cällä* ‘Великий’, *Mäwlä* ‘господь’, а также тюркское слово *Täñre* ‘Бог’ и персидское заимствование *Xodaj* ‘Бог’. Использование имен Аллаха позволяет усиливать эмоциональное воздействие текста.

Также наблюдается частое использование лексемы *Qor’an* ‘Коран’ в сочетании со словами *šäriif* ‘священный’, *ğazyjm* ‘великий’ и *kärim* ‘благородный’, *sürä* ‘сура’, *ajät* ‘айат’, а также слов, связанных с религиозными обрядами: *namaz* ‘намаз, богослужение’, *xac* ‘хадж’, *ruza* ‘пост’, *sijam* ‘пост’, *iftar qylu* ‘угощение при разговении’, *tahärät* ‘омовение’, *räkäğat* ‘поклон’, ‘коленоприклонение’, ‘ракаат’ и т.д. Лексика, связанная с загробным миром, представлена словами *cännät* и *näğim* ‘рай’, *cähännäm* ‘ад’, *qyjämät*, *xašr* ‘судный день’, *axirät* ‘потусторонний мир’. Слова, обозначающие обитателей рая: *xur* ‘гурия’, *färeštä* ‘ангел’, – употребляются для описания красоты персонажей. Данная категория лексики не несет дополнительной смысловой нагрузки. Все лексические единицы из этой группы по своему происхождению являются заимствованными.

В текстах произведений исследуемого жанра синонимическая группа «Человек» представлена терминами *adäm* (адэм), *insan* (инсан), *keše* (кеше), *šäxes* (шэхес), *bändä* (бэндэ) и *zat* (зат). Данная группа включает в себя тюркское слово *кеше*, заимствования из арабского языка *адэм*, *шэхес*, *инсан* и персидские заимствования *зат* и *бэндэ*.

Проведенный анализ показал, что они употребляются в прямом значении. Также было установлено, что в литературном языке изучаемого периода семантическая дифференциация этой группы слов произошла еще не полностью. Универсальность семантики сохранена в слове *кеше*, а часть заимствованной лексики (*инсан*, *зат*, *шэхес*) стала употребляться преимущественно в книжном стиле. Также необходимо указать, что в семантике лексем *адэм*, *бэндэ*, имеющих номинативное, нейтральное значение в исследуемых произведениях, в современном языке наблюдается преобладание коннотативного уничижительного значения.

В рассмотренных нами произведениях группа *соматической лексики* употребляется активно и занимает одно из основных мест. Среди активно используемых соматизмов необходимо выделить следующие лексемы: *baš* (баш) ‘голова’, *jöz* (йөз) // *čährä* (чәһрә) // *čyraj* (чырай) ‘лицо’, *küz* (күз) ‘глаз’, *awuz* // *ağuz* (авыз) ‘рот’, *tel* (тел) ‘язык’, *deš/teš* (теш) ‘зуб’, *Saç* (чәч)

‘волосы’ и *saqal* (сакал) ‘борода’, *мужуq* (мыек) ‘усы’, *äl // qul* (эл // кул) ‘рука’, *barmaq* (бармак) ‘палец’, *ajaq* (аяк) ‘нога’, *tsöjäk* (сөяк) ‘кость’, *tän* (тән) // *bädän* (бэдән) ‘тело’, *arqa* (арка) ‘спина’, *jöräk* (йөрәк), *bäğer* (бәгырь), *künel* (күнел), *can* (жан) и *qaleb* (кальб) ‘сердце’ и др.

Ряд соматизмов, таких как *barmaq* (бармак) ‘палец’, *ajaq* (аяк) ‘нога’, *tez* (тез) ‘колени’, *mujyn* (муен) ‘шея’, *buğaz* (бугаз) ‘горло’, *söjäk* (сөяк) ‘кость’, *tän* (тән) // *bädän* (бэдән) ‘тело’, *arqa* (арка) ‘спина’, представлены в номинативном значении словами тюркского происхождения, ставшими основной частью литературного языка.

В текстах мы не встречаем частого лексического варьирования, однако четко фиксируем разветвленную семантическую деривацию. Семантические возможности, наблюдаемые в татарском языке, представлены в них в достаточно полном объеме. Было выявлено активное употребление данной группы лексики вне прямой референции во всех произведениях. Наиболее часто в этой функции употребляются следующие соматизмы: *baš* (баш) ‘голова’, *küz* (күз) ‘глаз’ и *tel* (тел) ‘язык’, синонимические ряды из тюрко-татарских лексем *jöz* (йөз) // *čyraj* (чырай) // *bit* (бит) // персидского слова *čährä* (чәһрә) ‘лицо’, *jöräk* (йөрәк) // *bäğer* (бәгырь) // *künel* (күнел) // персидское *can* (жан) // арабское заимствование *qaleb* (кальб) ‘сердце’.

Анализ показал, что в этой группе преобладает тюрко-татарская лексика. Единичные случаи заимствований, являющиеся показателями письменных литературных традиций, в этой тематической группе постепенно вышли из употребления.

В четвертом параграфе данной главы была рассмотрена **лексика, выражающая состояние субъекта**. Специфика жанра и назидательно-дидактический характер произведений способствовали активному употреблению данной группы лексики. Самые активные глаголы этого ряда – со значением ‘бояться’; ‘беспокоиться’; ‘переживать’. Глагол *qurq-* (курык-) ‘бояться’; ‘переживать’ – наиболее распространенный и универсальный глагол тюркского происхождения.

Понятие ‘бояться’; ‘переживать’ реже может выражаться составными глаголами, состоящими из основы арабского заимствования и вспомогательного глагола тюркского происхождения: *xäwef it-*, *xafa bul-*. Эта форма чаще встречается в сказке «Тысяча и одна ночь», в других текстах рассматриваемое состояние выражено глаголом *qurq-* (курык-), распространенным в народно-разговорном языке.

Выражение удивления передается при помощи глагольных основ *ğacäblän-* (гажәплән-) и составных глаголов *ğacäbkä qal-* (гажәпкә кал-), *xäjran qal-* (хәйран кал-), *täğaccüb it-* (тәгажжәб ит-) ‘удивляться’. Если лексемы *гажәп*, *хәйран* закрепились в татарском литературном языке и активно участвуют в составе сложных глаголов, то лексема *тәгажжәб* в процессе формирования татарского литературного языка вышла из употребления. В текстах лексема *хәйран* в составе глагольной конструкции *xäjran bul-* употребляется для выражения понятия ‘растерянность’.

Стыд – явление в текстах кысса достаточно частое, он выражается глаголом тюрко-татарского происхождения *ojal-* (оял-). Контекстуальное значение понятия ‘стыдиться’ наблюдается в семантике глагола *xurlan-* (хурлан-) и синонимов *xur ideb* и *xur haqyr ideb*.

В этой лексико-тематической группе немало лексем, образованных при участии заимствованных слов с абстрактным значением. Они участвуют и в составе глагольных конструкций, выражающих состояние удовлетворенности: *qanäğat äjl-* (канэгать эйлэ-), *qanäğat it-* (канэгать ит-) и *razyj bul-*, *razyj ide* (разый бул- / разый иде). Из рассмотренной синонимической парадигмы в современный татарский язык не вошла архаичная конструкция *qanäğat äjl-* (канэгать эйлэ-), остальные формы активны в настоящее время как в литературной, так и в разговорной формах татарского языка.

В работе также были рассмотрены лексемы, выражающие такие сложные понятия, как чувство раскаяния, сожаления, переданное глаголом *üken-* (үкен-) без лексических эквивалентов; чувство злости, выраженное лексемами татарского происхождения *açu* (ачу) и арабским заимствованием *ğazab* (газап), было выявлено, что на последующих этапах развития татарского языка вторая лексема в данном значении не закрепились.

Понятие ‘прощать’ передается конструкцией *ğafu qyl-/it-* (гафу кыл- / гафу ит-) и глаголом *kiçer-* (кичер-). Если в татарском литературном языке наиболее активной является форма *гафу ит-*, *кичер-*, то форма *гафу кыл-* встречается в рамках религиозного стиля.

Для выражения понятия ‘радоваться’ используются глаголы *quan-* (куан-) и *kinän-* (кинэн-), *söjen-* (сөен-), лексема *şad* (шат иде, шат бул-, шатлан-) и производные глагольные конструкции.

Далее нами рассмотрена лексика, выражающая действие субъекта. В результате анализа было установлено, что основу данной группы составляют исконно татарские слова, активно функционирующие как в литературном, так и в разговорном языках. Для них характерна разветвленная семантическая деривация. Было определено, что семантический и функциональный потенциал рассматриваемой группы лексики показывает реальное состояние языка конца XIX – начала XX века. Основная часть анализируемой тематической группы активна и в современном татарском языке. Вместе с тем мы встречаем отдельные лексемы и глагольные конструкции, которые вышли из употребления или же подверглись семантическим изменениям.

Данную группу лексики мы классифицировали, выделяя четыре подгруппы: 1) слова, обозначающие конкретные действия; 2) слова, выражающие физиологические действия; 3) слова, выражающие речь; 4) слова, обозначающие абстрактные действия.

Слова, обозначающие конкретные действия, в большинстве случаев употребляются в номинативном значении. При сравнении с современным татарским литературным языком в семантическом плане значительных изменений не наблюдается. В то же время в данной подгруппе зафиксировано наличие архаичных для современного татарского языка лексем, которые

активно функционировали в языке исследуемого периода, например, *zähärlädelär* ‘отравили’, образованное от персидского заимствования *zähär* в значении ‘яд, отрава’, в татарском литературном языке заменено словом *агулау* в том же значении, *zincirlä-* (зинжирлэ-) также в литературном языке не функционирует, а заменено татарским эквивалентом *чылбырла-*.

В анализируемых произведениях замечена активность лексем *baq-* (бак-) и *qara-* (кара-) в номинативном значении ‘смотреть, взглянуть’. В сказках «Тысяча и одна ночь» они употребляются параллельно. Литературной нормой современного татарского языка стала лексема *кара*, а слово *бак* и его производные употребляются в диалектном языке. В литературном языке сохранились производные *багучы* в значении ‘гадалка’, *багучылык* ‘занятие гаданием (ворожкой) или знахарством’, *багыну* ‘пристально, долго смотреть во что-либо (увлеченно или влюбленно)’, также встречается в составе фразеологизмов *бактың исә, баксаң багарлык*.

В рамках подгруппы «Слова, выражающие физиологические действия» нами проанализированы лексемы, обозначающие наиболее важные физиологические действия, состояния. Как и в предыдущих подгруппах, здесь наблюдается преобладание исконно татарских слов в номинативном значении. Значение ‘пить’ выражено глаголом *еç-* (эч-) без лексических эквивалентов. Синонимический ряд, передающий значения ‘есть’, ‘кушать’ *ji-* (жый-) и *aşa-* (аша-), ‘кормить’ *aşat-* (ашат-), ‘принимать пищу’ *tänäwäl qyl-* (тәнәвел кыл-), состоит из нескольких глаголов, среди которых присутствуют лексемы, вышедшие из употребления на последующих этапах становления татарского литературного языка. Например, составной глагол *tänäwäl qyl-* (тәнәвел кыл-) в языке произведений Кысса уже был в пассивном использовании, и он постепенно полностью вышел из употребления, его можно встретить только в письменных памятниках.

Следует указать ряд глаголов, которые используются в номинативном значении: понятие ‘плакать’ передается при помощи тюркского глагола *juğla-* (егла-), а понятие ‘просыпаться’ – глаголом *ujan-* (уян-), в качестве синонимов данного глагола встречаются и такие варианты, как *йокысыннан торып, урыныннан торып*.

Для выражения значения ‘сказать, говорить, рассказать’ в текстах Кысса функционирует несколько глагольных форм, образуя довольно интересный синонимический ряд. Доминантой в данной парадигме выступает глагол *äjt-* (эйт-). Аналитический интерес представляет функционирование глагола *di-* (ди-) ‘говорить’. Значение ‘рассказать’ передается глагольной формой также общетюркского происхождения *söjlä-/süzlä-* (сөйлэ-/сүзлэ-), а фонетический вариант *süzlä-* выражен пассивно.

Совпадает в семантическом и лексическом планах с современным татарским языком и выражение понятия ‘ответить’, которое представлено глагольной конструкцией *sawab bir-*.

Многие глаголы, рассматриваемые нами в данном параграфе, довольно часто встречаются в языке поэзии и прозы второй половины XIX – начала XX

века в переносном значении. В языке исследуемых произведений такие метафорические переносы употребляются крайне редко, что, по нашему мнению, связано с особенностями жанра, где на первый план выходит повествование о ситуациях и событиях.

Основу подгруппы *лексем, обозначающих абстрактные действия*, составляют слова тюркского происхождения, активно используемые в татарском языке. Они, как правило, представлены в прямом значении – например, для передачи значения ‘знать’ используется глагол *bel-* (бел-), значение ‘понимать’ выражено глаголом *añla-* (аңла-), значение ‘думать’ во всех произведениях выражено глаголом *ujla-*.

Значение ‘желать’ представлено несколькими лексемами: тюрко-татарским глаголом народно-разговорного языка *telä-* (телә-), традиционными письменными формами: огузско-турецким вариантом *istär-* (истәр-) и глагольной конструкцией *arzu id-*, состоящей из персидского существительного *arzu* (желание, стремление, грёза) и вспомогательного глагола *id* (ит-). В процессе становления татарского литературного языка инвариантом данного значения стала лексема *telä-* (телә-), другие варианты вышли из употребления.

В шестом параграфе рассматриваются *слова, выражающие движение субъекта*, которые являются одним из важнейших компонентов текстов кысса. Поскольку произведения, относящиеся к данному жанру, характеризуются описанием событий, действий героев, в них широко представлена данная подгруппа лексики. Авторы используют базовую лексику татарского языка, генетически восходящую к древнетюркскому языку. В текстах эти слова представлены преимущественно в прямом значении. В то же время мы встречаем и заимствованный пласт, взятый в основном из оригиналов или турецких переводов текстов. В редких случаях наблюдаются устаревшие значения отдельных лексем в различных контекстах. На примере нескольких глаголов рассмотрим наиболее характерные случаи, распространенные в произведениях.

Для передачи понятия ‘приходить, приехать’ используется глагол *kil-* (кил-), понятие ‘бежать’, ‘убегать’ передается глаголом *qaç-*. В татарском переводе сказок «Тысяча и одна ночь» наблюдается использование Ф. Халиди без перевода заимствованной конструкции *firar it-* ‘сбежать’.

При передаче глаголов направления ‘уходить’, ‘отправляться’, ‘идти’ употребляются глаголы *kit-* (кит-) и *bar-* (бар-). Наблюдается оригинальное использование данного глагола в произведении «Абугалисина» в составе фразеологизма *кадалып китсен: qadalyb kitsen, аңа wäziremne jibäreb ajağnату jyğylajум?! [Эбу: 82] ‘Пусть пропадет он пропадом, я что, должен отправить к нему своего визиря, чтобы он пал к его ногам?!’*.

Глагол *bar-* ‘идти’ употребляется и в переносном значении ‘выйти замуж’: *bu balanуң tutasy kijäwgä bardy... [Әлжилдү, 5: 7] ‘Сестра этого ребенка вышла замуж...’; ber xatynнун ике иргä baruwy qajsy mäzhäbdä döres?!’*

[ТН: 28] ‘В каком мазхабе (ислама) видано, чтоб женщина вышла замуж (одновременно) за двух мужчин?!’.

В текстах часть глаголов действия в аналитических конструкциях употребляется и в качестве вспомогательного глагола для выражения способа действия: *Atasy közgene alyb kilde* [КВ: 104] ‘Отец принес зеркало...’; *Tuğru Mahşäkärneñ öjenä kereb kitde* [ТН: 7] ‘Напрямик вошла в дом Махшакара’.

Анализ показал, что лексика данной подгруппы не отличается синонимической вариативностью. Большинство из рассмотренных глаголов представляет народно-разговорный язык. Впоследствии они стали инвариантами литературного языка. Заимствованные из арабского или турецкого текстов лексемы сохранились в отдельных подсистемах языка и не отличаются активностью актуализации.

Седьмой параграф данной главы посвящен исследованию **терминов родства**, функционирующих в текстах кысса. Было выявлено, что в произведениях термины родства по крови представлены большим количеством лексем, которые составляют синонимические ряды. Доминантой выступают тюрко-татарские лексемы *ata-ana* (ата-ана) ‘родители’; синонимы *ata* (ата) и турецкий вариант *baba* (баба) ‘отец’; *ana* (ана), *änkä* (энкэ) и *äni* (эни) ‘мать’; *bala* (бала) ‘ребенок, дитя’; семантически тождественные однокоренные лексемы *qardäş* (кардэш) и *qarendäş* (карендэш) ‘родственник’; *uğlan* (углан) и арабское заимствование *wäläd* (вэлэд) ‘мальчик’. Было определено, что лексема *uğlan* (углан) употребляется для обозначения положительных героев, а слово *wäläd* (вэлэд) – отрицательного героя.

Терминов родства по браку в текстах существенно меньше. Наиболее активными среди них являются номинации мужа и жены, а другие термины представлены в единичных случаях.

Восьмой параграф данной главы посвящен описанию особенностей употребления **наименований быта** в текстах кысса. Несмотря на то что произведения возникли на базе арабской культуры и в них описываются особенности восточного мира, авторы анализируемых произведений подходили довольно оригинально к выбору бытовых обозначений. Они предпочли наименования тюрко-татарского происхождения, функционирующие в разговорном языке изучаемого периода. Эта группа слов, как правило, не несет дополнительной семантической нагрузки и служит для прямого воссоздания рисуемой в текстах картины жизни. Авторы предпочли адаптировать произведения для татарского читателя посредством употребления наименований быта (*kijem* (кием) ‘одежда’; *külmäk* (күлмэк) ‘рубашка’; *čikmän* (чикмэн) ‘зипун’; *jaqa* (яка) ‘воротник’; *ciñ* (жиң) ‘рукав’; *itäk* (итэк) ‘подол’; *jawlyq* (яулык) ‘платок’; *şäl* ‘шаль’ и др.), распространенных среди широких слоев татарского населения.

Адаптация текстов для татарского читателя наблюдается и в плане передачи наименований мужских головных уборов. Например, лексема *bürek* (бүрек) используется для выражения значения ‘ меховая шапка’.

Соответствие татарским реалиям прослеживается и в передаче понятия 'обувь'. Например, Ф. Халиди использует лексему *käweš* (кәвеш) 'галoши', которая была активна в языке татар исследуемого периода, хотя в арабском оригинале и в турецком переводе описывается понятие 'сандалии'.

Также можно наблюдать некоторые особенности, характерные для языка конца XIX – начала XX века. Например, в синонимическом ряду, обозначающем большую посуду, емкость и состоящем из таких наименований, как *tabaq* (табак) 'большая чаша', *lägän* (лэгән) 'тазик', *tas* (тас) 'таз, тазик', заметно, что еще не полностью установлена семантическая дифференциация, характерная для современного татарского языка.

Примечательно, что в текстах кысса для обозначения стола используется заимствованное из русского языка слово *östäl* (өстәл) 'стол' без лексических эквивалентов.

Синонимический ряд, состоящий из лексем тюркского происхождения *sal* (сал) 'плот', *qajyq* (каек) и *kimä/köjmä* (көймә) 'лодка', в текстах кысса встречается повсеместно, и заметно их варьирование в пределах даже одного произведения. Также следует обратить внимание и на фонетическую вариацию в слове *kimä/köjmä* (көймә). По нашему мнению, такая вариация указывает на особенности становления литературной нормы татарского языка.

Таким образом, выбор отдельных наименований и их вариации в произведениях, последующее закрепление в языке в качестве активной лексики также указывают на специфику становления современного татарского литературного языка.

В девятом параграфе рассматривается **лексика, относящаяся к роду деятельности людей**. Данная группа по своему составу пестрая и разнообразная: к ней относятся общетюркские, собственно татарские, заимствованные из арабского и персидского языков слова, в единичных случаях зафиксированы и русские, европейские заимствования. Вся эта лексика стилистически нейтральна и употребляется в номинативном значении для описания жизнедеятельности персонажей.

Наиболее характерным способом образования наименований является присоединение словообразовательных аффиксов *-čy/-če* (-чы/-че) к именам существительным тюрко-татарского происхождения или же образование путем конверсии от глагола имени действия, например, *qarawylčy* (каравылчы) 'охранник, сторож', *tegüče* (тегүче) 'портной', *šymčy* (шымчы) 'шпик, лазутчик', *igenče* (игенче) 'земледелец', *kötüče* (көтүче) 'пастух', *ilče* (илче) 'посол', *xat jörtüče* (хат йөртүче) 'почтальон', *jylančy* (еланчы) 'змеелов' и др.

Примечательно, что большая часть названий образована присоединением аффикса *-čy/-če* к арабским и персидским корням: *qumarčy* (кумарчы) 'картежник'; *näwbätče* (нәүбәтче) 'дежурный', *cäwähirče* (жәвәһирче) 'ювелир', *äsirče* (әсирче) 'работорговец'.

В текстах кысса мы обнаружили промежуточные варианты лексем, которые употреблялись в языке изучаемого периода, в том числе и в художественных произведениях, однако не стали нормой татарского литературного языка. Они либо перешли в разряд архаизмов, либо изменили форму, например, *cyrlawčy* (жырлаучы) ‘певица’ – в современном татарском литературном языке – жырчы; *ujnawčy* (уйнауачы) – уенчы и др. Зафиксированы слова, отсутствующие в современном татарском языке: *qollar ila säwdä qylučy* (коллар белән сәүдә кылучы) ‘работорговец’; *sučy* (сучы) ‘водонос’ и др. Слово *talawčy* (талаучы) ‘вор, грабитель’ в текстах употребляется параллельно со ставшей литературной нормой татарского языка лексемой *uğry* (угры) и т.д.

В произведениях встречаются наименования, образованные на базе татарского языка или же кальки, которые также перешли в разряд архаизмов: *su başy* (су башы) ‘глава морской охраны’; *qapučy başy* (капучы башы) ‘глава всех привратников’; *cällad başy* (жәллад башы) ‘глава палачей’; *ğaskär ähele* (гаскәр әһеле) ‘воины’ и др.

В текстах кысса большое место занимают слова, обозначающие род деятельности человека или его социальный статус, заимствованные из арабского и персидского языков, которые стали частью литературного языка: *padişah* (падишаһ) ‘царь’, *wäzir* (вәзир) ‘визирь’, *näqqaş* (нәккаш) ‘каллиграф’, ‘художник’, *säwdägär* (сәүдәгәр) ‘купец’, *tabib* (табиб) ‘целитель, врач’, *ğalim* (галим) ‘ученый’, *şahzadä* (шаһзадә) ‘шахзаде’, *känizäk* (кәнизәк) ‘служанка’, *därwiş* (дәрвиш) ‘дервиш’ и др.

В текстах в единичных случаях встречаются заимствованные названия профессий из европейских языков: *bankir* ‘банкир’, *qapitan* ‘капитан’, *braxman* ‘брахман’, *pub* ‘поп’.

Анализ показывает, что эта группа лексики отличается многообразием по своему составу, генетической принадлежности и словообразовательным особенностям. Она представляет собой продолжение традиций старотатарского литературного языка, также отражает попытки авторов найти наиболее приемлемые варианты слов, которые передают специфику собственно татарского языка. Образование новых наименований на базе татарского языка, гибридные варианты, а также попытки включения европейских заимствований в тексты показывают основные пути становления татарского литературного языка.

Последний параграф третьей главы посвящен описанию **лексико-тематической группы «Природа»**. Для более детального анализа лексика этой группы разделена на подгруппы «Живая природа» и «Неживая природа». Анализ позволил установить, что одной из примечательных особенностей рассматриваемой группы лексики является ее широкий диапазон семантических возможностей. В произведениях эта лексико-тематическая группа активно представлена как в номинативном, так и в метафорическом значениях. Также обращают на себя внимание стилистическая и экспрессивная функции этой группы слов. В татарском

языке они приобрели символическое, образно-метафорическое значение, которое возникло в результате этноколлективного анализа свойств и реалий окружающей действительности. Эти особенности широко представлены в языке художественных произведений.

Из названий домашних животных в произведениях зафиксированы такие лексемы, как *at* (ат) ‘лошадь’ и *bajtal* (байтал) ‘кобыла’, *ügez* (үгез) ‘бык’, *bozaw* (бозау) ‘теленок’, *qaçyr* (качыр) ‘мул, лошак’, *käcä* (кәжә) ‘коза’, *duñğyz* (дунгыз) ‘свинья’ и др.

Среди наименований домашних животных встречаются синонимические пары *bäti* (бәти) / *quzu* (кузы) ‘ягненок’, в этой паре литературной нормой стало слово *bäti* (бәти), а сохранившийся в современном турецком языке лексический вариант *quzu* (кузы) не нашел распространения в татарском литературном языке.

Лексический вариант тюркского происхождения *işäk* (ишәк) и арабское заимствование *ximar* (химар) ‘осел’ в текстах кысса употребляются в качестве абсолютных синонимов в номинативном значении.

Из домашних животных встречаются также *mäçe* (мәче) ‘кот’ и *et* (эт) ‘собака’ как в прямом значении, так и в метафорических переносах и в составе сравнительных оборотов: *Äj padişah, bu uğlan qotyrgan et kebider* [КВ: 11] ‘Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку’; *şul qadär küb wä härberä mäçe qadär, ere baqalar* [Әбу: 294] ‘Очень много лягушек, и каждая ростом с кошку...’ и др.

В текстах кысса из названий представителей животного мира *дикой природы* зафиксированы следующие лексемы: *aju* (аю) ‘медведь’, *büre* (бүре) ‘волк’, *çaqal* (шакал) ‘шакал’, *qujan* (куян) ‘заяц’, *tölke* (төлке) ‘лиса’, *arслан* (арыслан) ‘лев’. Они употребляются как в прямом, так и в переносном значениях для создания образности в структуре аллегорий, сравнений и других тропов. Как видно из перечисленных наименований, все они представлены лексемами тюркского происхождения.

Семантическое разнообразие лексемы *arслан* (арыслан) ‘лев’, наблюдаемое в татарской лингвокультуре, отражается и в рассматриваемых произведениях. Данная лексема употребляется как в номинативном значении, так и в качестве символа мужества, мудрости, физической и духовной силы: *Arslan belän ügez mäjdanda tuzan tuzdyryb... suğuşyb tordylar* [КД: 75] ‘Лев и бык, подняв пыль, дрались на площади...’. В народе льва называют ‘царем зверей’. Эта характеристика присутствует и в произведениях: *äj xajwanlar şahy, mäğlümeñez ulsyn, bän ximar cenesennänmen...* [Әлжилдү, 2: 101] ‘О, царь зверей, к вашему сведению, я из ослиного рода...’ и др.

Помимо этого в произведениях зафиксировано большое количество названий мелких хищников: *suçqan/tyçqan* (тычкан) ‘мышь’, *lätcä* (ләтчә) ‘ласка’, *kerpe* (керпе) ‘еж’ и др. Анализ показал, что фонетические варианты *suçqan/tyçqan* (тычкан) в произведениях употребляются параллельно, однако заметна активность варианта *tyçqan* (тычкан), который стал нормой татарского литературного языка.

Подгруппа *Названия насекомых* представлена лексемами тюркского происхождения: *čeben* (чебен) ‘муха’, *qurmysqa* (кырмыска) ‘муравей’, *borča* (борча) ‘блоха’, *ürmäküč* (үрмәкүч) ‘паук’. Эта подгруппа лексики в текстах кысса не является репрезентативной, однако ее функциональные возможности шире. Например, лексемы *čeben* (чебен) ‘муха’ и *qurmysqa* (кырмыска) ‘муравей’ употребляются в прямом и в переносном значениях или же в качестве сравнения; *borča* (борча) ‘блоха’, *qandala* (кандала) ‘клоп’ применяются для характеристики отрицательных героев или же ситуаций.

В произведениях довольно большое место уделено тюрко-татарским наименованиям таких птиц, как *qarğa* (карга) ‘ворона’, *kügärčen* (күгәрчен) ‘голубь’, *lačyn* (лачын) ‘сокол’, *däwä qoşu* (тәвә кошы) ‘страус’, *ürdäk* (үрдәк) ‘утка’, *särčä qoşu* (сәрчә кошы) ‘воробей’ и др. Авторы произведений используют их как для прямого обозначения, так и в метафорической и стилистической функциях.

Слова, связанные с растительным миром, в основном употребляются в стилистически нейтральном, номинативном значении. Как и предыдущая, эта группа состоит из тюркских основ.

Понятие ‘плод’ в текстах кысса представлено тюрко-татарским словом *jimeš* (жимеш) и персидским заимствованием *miwä* (миwә). Если первая лексема преимущественно функционирует в номинативном значении, то слово *miwä* (миwә) чаще встречается в переносном значении. Помимо этого, в номинативном значении зафиксированы такие слова, как *ağaç* (агач) ‘дерево’, *ülän* (үлән) ‘трава’, *japraq* (яфрак) ‘лист’, *anar* (анар) ‘гранат’, *sarymsaq* (сарымсақ) ‘чеснок’, *arpa* (арпа) ‘ячмень’, *boğdaj* (богдай) ‘пшеница’ и др.

Отдельные лексемы в процессе развития языка претерпели фонетические изменения. Например, *japraq* (яфрак) в литературном языке приняла фонетическую форму *яфрак*, а фонетический вариант *йапрақ*, характерный для народно-разговорного языка, стал частью татарского диалектного языка. Лексема *boğdaj* (богдай) ‘пшеница’ в литературный язык перешла в форме *бодай*.

Исследование наименований, обозначающих живую природу, показало, что в большинстве своем они представлены тюркскими словами, которые составляют основу народно-разговорного языка и основной фонд литературного языка. В функциональном плане они, кроме номинативной, выполняют важную стилистическую функцию. В текстах кысса широко распространен такой прием, как персонификация, что обусловлено жанровой особенностью этих произведений. Также в ходе исследования был сделан вывод о том, что семантическая дифференциация, характерная для отдельных лексем современного татарского литературного языка, в текстах кысса еще не установилась.

Лексико-семантическая подгруппа *Неживая природа* включает в себя слова, связанные с водными ресурсами, а также лексемы, сопряженные с земной поверхностью.

Из названий, связанных с водными ресурсами, следует указать активное употребление таких слов, как: *quju/quduq* (кое/кудук) ‘колодец’, *kül* (күл) ‘озеро’, *diñgez* (дингез) ‘море’, *cylğa* (елга) ‘река’, *därja* (дэрья) ‘очень широкий водоем, большая река, море’, *jurmaq* (ермак) ‘канал’.

Понятие ‘колодец’ представлено двумя лексемами в номинативном значении: *quju* (кое) и *quduq* (кудук). Ф. Халиди в сказках «Тысяча и одна ночь» параллельно употребляет эти две лексемы, у других же авторов преобладает лексема *кое*, ставшая литературной нормой. Фиксируя малоупотребительность слова *quduq* (кудук) в изучаемых произведениях, можно говорить о постепенном выходе его из употребления уже в рамках исследуемого периода (оно уступило место народно-разговорному варианту *quju* (кое)).

Еще одна особенность этой группы лексики выражена в употреблении названий большого водоема. В языке кысса употребляются два наименования: лексема тюркского происхождения *diñgez* (дингез) и персидское заимствование *därja* (дэрья), семантические и функциональные аспекты которых весьма своеобразны. В основном они употребляются в прямом значении. В переносном значении они указывают на большое количество чего-либо. В ходе сравнительного анализа этих двух лексем были обнаружены их семантические различия: *диңгез* – конкретное обозначение моря, а *дэрья* – большого водоема; отличие наблюдается и в функционально-стилистическом плане: *диңгез* – лексема тюркского происхождения, и она является единицей общеупотребительного языка, *дэрья* – персидского происхождения и относится к книжному стилю. Несмотря на указанные различия, в переносном значении их семантика совпадает.

В текстах кысса в номинативном значении употребляется большое количество лексем, связанных с земной поверхностью, среди которых чаще встречаются следующие: *çoqyr* (чокыр) ‘яма’, *baz* (баз) ‘яма’, *taw/tağ* (тау) ‘гора’, *taw tişege* (тау тишеге) / *mäğarä* (мэгарэ) ‘пещера’, *dala* (дала) / *saxra* (сахра) / *japan* (япан) ‘степь’, *car* (жар/яр) ‘берег’, *urman* (урман) ‘лес’, *batqaqlyk* (баткаклык) ‘болото’.

В функционировании наименований *taw/tağ* (тау) и *jar* (жар/яр) наблюдается фонетическое варьирование. В первом случае вариант *tağ*, функционирующий в старотатарском литературном языке, перешел в разряд архаизмов. Из фонетических вариантов *jar* (жар/яр) литературной нормой татарского языка стал *яр*, а *жар* продолжает функционировать в диалектах.

В целом нужно подчеркнуть, что лексика текстов кысса представляет собой продолжение традиций старотатарского литературного языка. Именно в лексическом преломлении проявлены попытки авторов в части поиска и последующей творческой актуализации наиболее приемлемых синонимических вариантов слов, которые отражают специфику собственно татарского языка.

В четвертой главе «Грамматическая структура художественных текстов кысса XIX – начала XX века как отражение преемственности

языковых традиций» морфологическая структура произведений рассматривалась в контексте языковой ситуации, сложившейся в конце XIX – начале XX века. Была предпринята попытка выявления основных путей становления морфологических норм татарского литературного языка, определения степени, форм взаимоотношений традиций старотатарского литературного и народно-разговорного языка. Материал представлен в рамках семи параграфов, соответствующих названиям самостоятельных и служебных частей речи.

В первом параграфе «*Имя существительное*» рассматриваются особенности функционирования грамматических категорий имени существительного в произведениях кысса. Было определено, что имя существительное составляет основной словарный фонд текстов. В арабо-персидских заимствованиях и тюркских словах единственное число выражается нулевой формой окончания. Единичность в текстах передается также аналитическим способом при помощи числительного *ber* ‘один’. Грамматическим показателем множественного числа выступает аффикс *-lar/-lär*. В текстах наблюдается вариативность двух литературных норм языка: первая, касающаяся графофонетики, окончание множественного числа *-lar* пишется с алифом и без алифа; в переводе произведения «Тысяча и одна ночь», как и в текстах «Рассказа о сорока визирях», «Калила и Димна» и «Абугалисина», форма с алифом لار – *lar* используется для передачи твердого гласного (а); форма без алифа لر – *lär* передает мягкий гласный звук – (ä); а в произведении «Гутинаме» форма без алифа لر используются для передачи окончания *-lar/-lär*. Множественное число также выражается формой ломанного множественного числа арабских заимствований (*äxwäl, täwarix, dijär*).

Множественность передается также сочетанием морфологического и семантического способов: при помощи количественных числительных (*ike bärädär, jegerme carijä, öč kön*), в арабских заимствованиях в форме двойного множественного числа (*aqribalar, äxbäblär, gülämälär*).

Следует подчеркнуть, что в исследуемых произведениях пассивна форма множественного числа на *-нар/-нәр*, являющаяся современной нормой, которая присоединяется к словам, оканчивающимся на носовые согласные.

Категория принадлежности представлена разнообразными формами и вариантами форм. 1-е лицо единственного числа и по форме, и по грамматическому значению соответствует современному татарскому языку. В грамматической форме множественного числа употребляются характерные для огузской группы тюркских языков аффиксы *-мыз/-мез/-ымыз/-емез*.

Во всех текстах кысса нами регистрируется особенность, часто наблюдаемая в сказках, фольклорных текстах: форма принадлежности 1-го лица единственного числа, реже 2-го лица множественного числа, активно употребляется в составе обращений.

Форма единственного числа 2-го лица (*xatynlaryñ, uğlyñ, xätereñ*) стала нормой современного литературного языка, а формы множественного числа

-һыз/-һез/-ыһыз/-еһез, свойственные письменному языку (*bändäñez, üzenez, iñarätenez*) и активно функционирующие в анализируемых произведениях, впоследствии стали архаичными формами и вышли из употребления.

3-е лицо единственного числа образуется формой *-ы/-е* (*xatyny, mäxäbbäte, ostazy*), множественного числа – формой *-лары/-ләре* (*ämerläre, xatynлары*).

В текстах произведений преобладают изафетные конструкции II типа (*šähär xalqy, namaz waqyty*), также активно используются конструкции, образованные по типу *Ину+Иу* (изафет III): *wäzirneñ qyzy, mälikneñ sarajyšähärneñ čite*; параллельно тюркскому изафету можно встретить арабские изафетные сочетания (*jaumul xəšr, kälimäi šähädät, isme ägzäm*) и конструкции персидской изафеты: *xälwä frušlär, ğoli biaban, adäme zadä*.

Анализ позволил прийти к выводу, что большая часть грамматических форм принадлежности является показателем преемственности старотатарской письменной традиции. Это отражается как в синтетических, так и в аналитических формах. Семантика и грамматические формы, зафиксированные в произведениях, активны и в современном татарском языке. Функционирование форм принадлежности показывает общность языка кысса с языковыми особенностями фольклорных текстов.

Падежная система произведений жанра кысса представлена шестью формами, что соответствует реальности современного татарского языка.

Основной падеж не имеет формальных показателей, служит для обозначения субъекта или объекта действия и синтаксически в основном используется как подлежащее. Грамматические значения данного падежа широко представлены в произведениях.

В языке исследуемых произведений притяжательный падеж представлен кипчакской формой – аффиксом *-ну/-не*: *jegetneñ, xatynну, padišahну*.

Направительный падеж, в зависимости от окончания, оформляется аффиксами кипчакского варианта склонения *-ġa/-gä, -kä*: *išäkkä, jirgä, zindanġa, padišahġa, bülmägä köjmägä*.

Имена существительные с аффиксами принадлежности в направительном падеже принимают аффиксы огузского варианта *-a/-ä*: *biġazyna, janyna, öjenä*. В тексте сказки «Тысяча и одна ночь» встречается также огузская форма направительного падежа на *-a/-ä*: *ber mälik bar ide, jitmеш ike ölkäjä mälik ide...* [Әлжилдү, 3: 36] ‘Жил-был царь, правил он семьдесятю двумя областями...’.

Винительный падеж оформляется при помощи аффиксов кипчакского варианта *-ну/-не* (*тујуqlарыну, jazularny, süzemne*). Винительный падеж в татарском переводе «Тысячи и одной ночи» и в произведении «Абугалисина» в именах с аффиксами принадлежности оформляется по огузскому типу, при помощи аффикса *-уны/-ене*: *Padišahну... bu qyzġa ğyjşqynu aňlab* [Әбу: 48] ‘Понял о любви правителя к этой девушке’.

Исходный падеж оформлен при помощи аффиксов кипчакского типа *-dan/-dän/-din* и указывает на косвенный объект, место, время, причину и исполнителя действия (*Allahy Täğälädän, qujnundan, itägendin*).

Местно-временной падеж употребляется при указании местонахождения предмета или времени совершения действия. В языке изучаемых произведений преобладает звонкий вариант аффиксов *-da/-dä* (*sandyqda, bunda, axirätdä, kičlärdä, köndezlärdä*).

В рассматриваемых произведениях мы наблюдаем функционирование смешанного типа (огузо-кипчакских) падежных аффиксов, которое употребляется в народно-разговорном татарском языке. Грамматические значения падежных форм свидетельствуют о стабильности семантического ядра татарского языка, формировавшегося в древнем языке и дошедшего до наших дней. Нестабильность глухих вариантов падежных аффиксов в разных падежах указывает на сложную специфику становления фонетических норм современного литературного языка.

Категория сказуемости выражается морфемным, морфемно-синтаксическим способами. Анализ показал активность данной категории в языке изучаемого периода, хотя в современном татарском языке она утратила свой функциональный потенциал. Морфемный способ выражения сказуемости используется реже и представлен в основном аффиксами 3-го лица: *sabyjlyqnuñ hökeme ujnundur* [Эбу: 4] 'Норма детства – игра'; *bu mäğaräneñ asyly uşbudyр* [Эбу: 6] 'Сущность этой пещеры в том...'

Активным является морфемно-синтаксический способ, который характеризуется присоединением аффикса сказуемости к существительному, прилагательному, частицам, послелогам и сочетанием его с личным местоимением единственного и множественного чисел, например, 1-е лицо: *bän ximar cenesennänmen...* [Элжилдү, 2: 101] 'Я из ослиного рода...'; *sän... bik osta ikänseñ* [КВ: 63] 'Ты очень умелая, оказывается...'

Необходимо подчеркнуть, что в употреблении данной категории наблюдается тенденция к снижению активности аффиксов 1-го и 2-го лица. Наиболее часто встречается аффикс 3-го лица, который впоследствии частично сохранился в разговорной речи и диалектной подсистеме языка.

Функционально-семантическая *категория определенности и неопределенности* выражается падежными аффиксами, формами притяжательности, местоимениями, числительными, которые распространены в народно-разговорном языке.

Второй параграф *«Имя прилагательное»* раскрывает особенности употребления в произведениях жанра кысса этой части речи. Интерпретация обширного фактического материала показала, что большое место уделено качественным прилагательным; распространены прилагательные положительной степени сравнения. Сравнительная и превосходная степени широко представлены в текстах произведений *«Рассказ о сорока визирях»* и *«Калила и Димна»*.

Сравнительная степень выражена синтетическими формами *-raq/-räk*: *kübräk waqyt* [Элфү: 8] ‘Большая часть времени’; *safasy jänä artyğraq bulyr* [КД: 8] ‘Спокойствия будет еще больше’; наблюдается также образование сравнительной степени аналитико-синтетическим путем: *dönja närsäsenen jaxşyrağyn kürgäç* [КВ: 22] ‘Он увидел лучшее из всего, что есть на свете’; *andan qyjmmätleräk närsälär...* [КД: 3] ‘Вещи ценнее его самого...’ и др.

Превосходная степень передается способом редупликации и усилительными частицами. Редупликация сокращенных форм качественных прилагательных встречается в словах тюрко-татарского происхождения: *jäm jäšel ülän östendä ber baj macles qylmyşlar* [Эбу: 92] ‘На зеленой траве накрыли богатый стол...’; *qaty-qaty süzlär äjtkänenä ükende* [ТН: 85] ‘Сожалела о том, что сказала грубые слова’. Редупликация полных форм прилагательных наблюдается как в исконно татарских, так и в заимствованных словах (*jaxşy-jaxşy şäräblär* ‘превосходные вина’, *näfis-näfis täğamlär* ‘вкуснейшие лакомства’, *keçkenä keçkenä bawyrşaq* ‘маленький баурсак’ и др.). Уменьшительная степень качественных прилагательных в текстах кысса не наблюдается.

Относительные прилагательные преимущественно образованы полифункциональными аффиксами *-ly* и *-syz*: *saqally keşe* ‘бородатый человек’, *jegärle at* ‘резвый конь’, *insafsyz uğyl...* ‘невоспитанный сын...’, *gönahsyz bala* ‘невинный ребенок’. В произведениях, наряду с тюрко-татарскими прилагательными, имеет место большой пласт арабо-персидских заимствований. Основная часть имен прилагательных в тех же грамматических формах широко используется и в современном татарском литературном языке.

В третьем параграфе рассматривается *имя числительное*. Было выявлено, что в текстах кысса наибольшую распространенность получают количественные числительные, в семантике которых представлены как номинативные, так и сакральные значения. Они подверглись тщательному лингвистическому анализу, и были раскрыты их стилистические функции. Анализ показал, что другие разряды числительных употребляются пассивно, их грамматические формы и значения прослеживаются и в современном татарском языке. Наряду с числительными были изучены и лексемы, передающие грамматическое значение данной части речи. Например, лексемы *äwäl* (эвэл) и *äwälge* (эвэлге), которые выражают значение ‘первый’.

Анализ, проведенный в четвертом параграфе «*Местоимение*», позволил сделать вывод о том, что местоимение в текстах кысса представлено тюрко-татарскими лексическими единицами и отличается многозначностью. Авторы даже в рамках одного произведения использовали лексемы народно-разговорного и старотатарского письменного языка. Рассматривая эти материалы, можно сделать вывод о путях поиска приемлемых вариантов и проблемах становления современного татарского литературного языка. Исследовательское обращение к функциональным особенностям местоимений показало, что авторы использовали широкий

спектр семантики местоимений, распространенной в разговорном языке. Рассмотрим наиболее характерные случаи.

В текстах представлена полная парадигма *личных местоимений*, однако они отличаются фонетической вариативностью. Например, личное местоимение 1-го лица единственного числа представлено формами *bän*, *män* и *min*. Параллельное употребление двух или трех форм в языке одного писателя является ярким примером поиска наиболее приемлемой формы, близкой к народно-разговорному языку. Так, например, в переводе сказок «Тысяча и одна ночь» функционируют формы *bän* и *män*. В произведениях «Абугалисина», «Рассказ о сорока визирях» и «Калила и Димна» преобладает форма *män*. В «Тутинаме» Г. Фаезханова наблюдается использование только формы *min*. Такая же тенденция прослеживается и в функционировании местоимения 2-го лица единственного числа *sin/sän* ‘ты’.

В употреблении местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа *bez* ‘мы’ и *sez* ‘вы’ не наблюдается выраженных изменений, однако было замечено, что множественность собеседников передается также формой *sezlar*, образованной при помощи присоединения аффикса множественного числа имени существительного *-лар* к личному местоимению 2-го лица множественного числа: *bäğzysy sezlärne istäb...* [Әлжилдү, 2: 19] ‘Некоторые хотели (искали) вас...’; *sezlärdän ütenämen, bu tuğryda jaxşy ujlub... miña kiñäş bireñez* [КД: 6] ‘Я прошу вас хорошенько подумать и дать мне совет’. Эта форма отсутствует в современном татарском литературном языке, но встречается в разговорной речи.

Местоимение 3-го лица единственного числа *ul* «он», «она» или «тот» чаще всего выполняет функцию указательного, нежели личного местоимения: *ul sandyqny ağaçny külägäsenä qujyb, sandyqny açty...* [Әлфү: 6] ‘Он положил тот сундук в тень дерева и открыл его...’; *ul jeget şul bikneñ xezmätendä çağynda* [КВ: 40] ‘Когда тот парень служил у бека...’.

Из вопросительных местоимений в текстах зафиксированы следующие: *nik?* ‘почему?’, ‘зачем?’; *niček?* ‘как?’; *ni/nä?* ‘что?’; *nindi?* ‘какой?’; *niçä?* ‘сколько?’; *niqadär?* ‘сколько?’; *qaçan?* ‘когда?’, *qajda* ‘где?’ и др. Среди указательных местоимений наиболее активно представлены такие, как *bu* и *oşbu* в значении ‘это’, ‘этот’, ‘эта’; *şul* ‘тот’, ‘та’, ‘то’.

В работе был рассмотрен семантический и функциональный потенциал местоимений, активность фонетических и грамматических вариантов каждого из них в текстах кысса и в современном татарском языке.

Одно из центральных мест в данной главе занимает пятый параграф, именуемый «*Глагол*». В исследуемых произведениях обнаружено большое количество глаголов, функционирующих в различных значениях и формах. В своей работе мы акцентировали внимание на наиболее распространенных и специфических случаях, характеризующих язык текстов кысса.

Анализ позволил прийти к следующим выводам, имеющим концептуальный характер. Во-первых, было определено, что активное употребление глаголов связано с повествовательной спецификой жанра

произведений. Одной из их особенностей является активное употребление глаголов в форме основного залога, другие залогов представлены реже.

Выражение способа действия синтетическим путем не так распространено в произведениях. Встречаются аффиксы *-emserä* (-емсерә), *-ğala/-gälä* (-гала/-гәлә). Способ действия глаголов в текстах преимущественно представлен аналитическим путем, и в них участвуют вспомогательные глаголы, активные в современном татарском литературном языке. Наиболее активной является модель «деепричастие на *-yb/-eb* (*-ын/-ен/-н*) + вспомогательный глагол»: *Julğa jöreb kitde* [ТН: 83] 'Отправились в путь'; *ajağum belän jöreb kitämen* [Эбу: 38] 'Отправляюсь на своих ногах...' и др. Реже в текстах употребляется модель *-a/ä/-yi/-i* (*-a/-ә/-ый/-и*) + вспомогательный глагол для обозначения начала действия: *quz çydyj almyj kölä bašlady* [ТН: 82] 'Девушка не смогла удержаться и рассмеялась'. В работе подробно описаны грамматические значения каждой модели. Аналитические модели часто употребляются для выражения завершения, результата и направления действия. Этот факт еще раз доказывает ранее высказанную мысль о том, что в произведениях жанра кысса на первый план выходит повествование о действиях и событиях, а не описание событий.

Наряду с традиционными моделями используются и редкие формы выражения способа действия: *mönäcät qylyrğa kereşde* [КД: 10] 'Приступил к совершению молитвы'. Формы и модели выражения способа действия свойственны народно-разговорному языку и отражают специфику татарского языка. Они активно функционировали в языке исследуемого периода, и большая часть широко используется в современном татарском языке.

Рассмотрев разнообразные прецеденты функционирования грамматической категории наклонения, мы установили, что заметна многочисленность грамматических показателей категории лица. Это связано с одновременным употреблением традиционных нормативных вариантов письменного языка и грамматических форм разговорного языка. В произведениях активно функционируют полные формы единственного числа категории лица – аффиксы *-men* (-мын/-мен), *-syn/-sen* (-сын/-сең). Выявлена пассивность в текстах кысса 2-го лица множественного числа.

Многочисленность грамматических показателей обусловлена и графо-орфографической вариантностью в языке исследуемого периода. В текстах кысса категория лица представлена различными грамматическими формами, которые сохранили свои значения, заложенные на ранних этапах развития татарского языка и отражающие особенности народно-разговорного языка. Они, претерпев незначительные изменения, существуют и в современном татарском литературном языке.

Временные формы изъявительного наклонения в основном представлены в парадигматическом значении, синтагматические значения фигурируют в единичных случаях. Выявлены активность формы прошедшего категорического времени на *-dy/-de*; параллельное употребление форм прошедшего результативного времени кипчакского варианта на *-ğan/-gän*, -

qan/-kän и огузской формы на *-myš/-meš*: *böten ğalämne munäwär qylmyš* [ТН: 89] ‘Осветил весь мир...’; *Wäzirlär utyrmyšlar* [Эбу: 54] ‘Сидели визири...’.

Из аналитических форм встречаются формы *-r*, *-ar/-är*, *-yr/-er* + глагол *ide* и *-ğan / -gän ide / -myš / -meš ide*: *bezgä här zaman baryb jörer ide* [Элжилдү, 1: 196] ‘Он всегда посещал нас’; *täxetkä menderergä telägän ide* [КВ: 20] ‘Хотел посадить его на престол...’ и др. В современном татарском языке данные формы не используются в парадигме прошедшего времени, а передают значение желательного наклонения.

Выявлено, что в текстах наряду с формой будущего неопределенного времени на *-r*, *-ar/-är*, *-yr/-er* довольно активно функционирует более поздняя форма на *-açaq/-äçäk*. Эта форма чаще употребляется в произведениях «Рассказ о сорока визирях» и «Тысяча и одна ночь».

Желательное наклонение представлено формой *-ajym/-äjem*, *-ajyq/-äjek* и конструкциями *mil itärgä* ‘хотеть’, ‘желать’, *arzu idärgä / qylarğa* ‘хотеть’, ‘желать’: *ban došmannarymny qarab kiläjem* [Элжилдү, 2: 407] ‘Пойду-ка погляжу на своих врагов’; *siña ğacäheb törle ešlär kürsätäem* [КВ: 8] ‘Я хочу показать тебе удивительные вещи’; *Säğid här šähärdä güzäl çyrajly abystajlar belän ğyš ğyšrät itärgä mile bardyr...* [ТН: 5] ‘У Саида, наверное, есть желание в каждом городе встречаться с красивыми дамами...’ и др.

Функционально-семантическое поле желательного наклонения включает также лексические средства *telärgä*, *istärgä*, в семантике которых заложены семы ‘хотеть’, ‘желать’, ‘захотеть’, ‘пожелать’: *bäğzysy sezlärne istäb...* [Элжилдү, 2: 19] ‘Некоторые хотели Вас...’; *üzemä täcribä xasil qylarğa telimen* [КД: 7] ‘Хочу набраться опыта...’ и др.

В роли данной категории в единичных случаях выступает сослагательное наклонение и архаичная огузская форма *-alyq/-älek*, *-alym/-älem*. Грамматический показатель желательного наклонения, претерпев фонетическое изменение (*-айым<-ыйм*), стал нормативным показателем современного литературного языка. Часть языковых средств выражения желания перешла в современный язык, а некоторые считаются устаревшими (*istärgä*; *-alyq/-älek*, *-alym/-älem*).

Условное наклонение представлено аффиксом *-sa/-sä*, который функционирует с залоговыми формами, с аффиксом отрицания. В сочетании с частицей *da*, *dä* выражает уступительную модальность. Фонетический глухой вариант частицы *ta*, *tä* в текстах кысса не зафиксирован.

Формы повелительного наклонения отличаются многозначностью. В работе был представлен спектр семантических оттенков грамматических форм данного наклонения. В произведениях «Тысяча и одна ночь» и «Абугалисина» представлены и огузские формы, широко используемые в старописьменном литературном языке: 2-е лицо единственного числа с аффиксом *-η*; 2-е лицо множественного числа с аффиксами *-ηyz/-ηez*; форма на *-ğaj/-gäj*.

Изучение неличных форм глагола позволило выявить ряд особенностей, которые встречаются в текстах кысса. В работе проанализированы значения грамматических форм причастия, выявлены их функции в текстах. Наиболее

активно представлено причастие прошедшего времени на *-ğan/-gän, -qan/-kän*, причастие настоящего времени на *-uçu/-üçe*, с аналитической формой на *-a torğan*, будущего времени с аффиксами *-ar/-är* (-ар/-эр) и *-asy/-äse* (-асы/-эсе), характерными для кипчакской подгруппы тюркских языков. Анализ показал, что причастие на *-a torğan* (-а торган), в отличие от других жанров исследуемого периода, активно функционирует в текстах кысса и преимущественно выступает в роли определения при словах, обозначающих субъекта и объекта действия.

Было установлено, что формы причастия, кроме основной функции, часто субстантивируются и употребляются в значении существительного или имени действия: *Ütkännän soñ ükenmäk fajda birmäs* [КД: 5] ‘Сожалеть о содеянном пользу не даст...’; *Xajwan bary qarnu ačyqqanyn wä tujğanyn beler* [КВ: 80] ‘Животное может чувствовать свой голод и сытность’. Некоторые формы (*-ğanda*), принимая аффиксы местно-временного падежа, функционируют в значении деепричастия.

Наряду с кипчакскими формами, характерными для народно-разговорного языка, реже употребляются огузские формы *-dyq/-dek, -muş/-meş, -muş/-müş*. Эти формы актуализируются в роли определения и часто субстантивируются.

Причастия на форму *-açaq*, распространенные в рамках исследуемого периода и являющиеся одним из показателей литературной нормы, в текстах кысса употребляются крайне редко.

В текстах наиболее активной и многофункциональной формой является деепричастие на *-yb/-eb* (-ып/-еп), выражающее действие, совершенное одновременно с основным процессом: *firaq uty belän bāğrem köjeb qara kümergä düngänder* [ТН: 7] ‘Мое сердце сгорело в огне разлуки и обуглилось...’; а также действие, опережающее основной процесс: *berkön ğaskären cyjyb zäğyjf padišah östenä kilde* [КВ: 24] ‘Однажды, собрав войско, он напал на царя, который был слабым противником’. Отрицательная форма образуется при помощи аффикса *-majunča/-mäjunčä*.

Деепричастие на *-yb/-eb* употребляется и в значении условного наклонения: *yştanymny saldyryb gäwrätem kürener...* [Әлжилдү, 3: 200] ‘Если снимете с меня штаны, то видно будет мое непристойное место...’. Рассматриваемая форма активна и в образовании аналитической формы выражения способа действия.

Форма деепричастия на *-a/-ä* (-а/-э) встречается редко, она употребляется в аналитических конструкциях для выражения способа действия глагола. Замечено, что в текстах кысса путем редупликации деепричастия на *-a/-ä* выражается продолжительность и многократность действия. В татарском переводе «Тысячи и одной ночи» Ф. Халиди и «Тутинаме» Г. Фаезханова параллельно деепричастию *-ğaç/-gäč* в том же значении наблюдается употребление османско-турецкой формы *-dyqda/-dekdä*. У других авторов она не зафиксирована, впоследствии форма вышла из употребления.

В текстах кысса инфинитив употребляется в двух формах: традиционная для письменного языка огузская форма на *-mağa/-mägä* и новая для литературного языка форма на *-yrğa/-ergä*. Обе формы активно употребляются в текстах, тем самым образуя грамматическую синонимию. Заметно расширение функциональности формы *-yrğa/-ergä*, которая стала основной формой современного татарского литературного языка. Инфинитив в текстах выражает разные значения, в сочетании с другим глаголом выражает цель действия: *qarçyqny ezlärgä kitdelär...* [Әлжилдү, 2: 6] ‘Пошли искать старушку’. Также употребляется в аналитических конструкциях в функции деепричастия для выражения способа действия: *Başmaqçy hatyru janyna kereb any ügetlärğä başlady* [Әбу: 41] ‘Зашел к жене обувщика и приступил уговаривать ее...’. В сочетании с глаголами *telä-*, *arzu qyl-* ‘желать’ передает модальное значение: *täxetkä menderergä telägän ide* [КВ: 20] ‘Хотел посадить на трон’; *bu xämämne kürmägä arzu qylyb* [Әбу: 9] ‘Хотел увидеть эту баню...’.

В языке исследуемых произведений зафиксированы имена действия, образующиеся аффиксами *-u/-ü*, *-maq/-mäk*. Архаичная форма на *-maq/-mäk* активна в текстах кысса. Употребляясь с падежными аффиксами, она выражает различные грамматические значения.

Шестой параграф данной главы раскрывает особенности употребления **наречий** в произведениях. Анализ был произведен на основе общепринятой в татарской морфологии классификации: определительные наречия и обстоятельственные наречия, внутри каждого из которых выделены специфические подгруппы. Наряду с грамматическими особенностями акцентировано внимание и на словообразовательных аспектах. Выявлено, что наречие представляет собой активный лексический пласт, функционирующий в народно-разговорном языке. По способу образования чаще употребляются корневые основы (*tiz*, *ğajät*, *bik*), сложные наречия (*şul qadär*, *şul räweşle*, *beraz* и др.), образованные путем сложения местоимений и имени существительного. Парные наречия (*bärelä suğyla*, *ara tirä*, *göb-göb ideb* и др.) и наречия с аффиксом сравнительной степени на *-rak* (*jaqynraq*, *tizräk*) выступают в роли интенсификатора признака.

В седьмом параграфе «**Служебные части речи**» мы сфокусировали внимание на функционировании послелогов, союзов и частиц. Послелого и послеложные слова выполняют различные грамматические функции, и наиболее употребительные в народно-разговорном языке представлены в нескольких значениях. Для них характерна фонетическая вариативность. Самым продуктивным в текстах кысса этой группы является послелог *belän* (белән) и его фонетические варианты *berlän/belän* и *ilä*, передающий значение совместности. Грамматические функции и значения, зафиксированные в произведениях, сохраняются и в современном литературном языке.

В изучаемых произведениях активно используются сочинительные и подчинительные союзы. Лексический состав союзов преимущественно представлен заимствованной лексикой.

В языке рассматриваемых произведений активно употребляются модальные (-*dyr/-der*, -*sana/-sänä*), вопросительные (-*my/-me*), экспрессивно-эмоциональные (*qur-*, *qar-*, *tub-*, *tyb-*, *jäm-*, *iŋ*, -*da/-dä*) частицы, а в определительно-уточняющей функции – арабское слово *xalis* ‘настоящий, словно’. Состав и грамматические значения частиц в текстах кысса самые разные. Большинство используемых частиц активны и в современном татарском языке.

Таким образом, детальный анализ морфологических особенностей вторичных текстов показал, что морфологическая система этих произведений практически идентична. По нашему мнению, этот показатель свидетельствует о схожести языка всех вторичных текстов данного периода между собой. Они создавались на базе татарского языка рубежа XIX–XX веков и отражают тенденции, которые наблюдались в языке исследуемого периода.

В **Заключении** подведены итоги диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Одно из наиболее перспективных направлений татарского языкознания XXI века – многоаспектное исследование истории становления и развития литературного языка, в том числе в контактологическом контексте, в аспекте литературно-художественных традиций. В работе были рассмотрены важные сценарии формирования татарского литературного языка на основе произведений, которые были созданы на базе определенного прототипа – прототекста. Для татарской литературы таким прототипом послужили памятники персидско-таджикской и арабской литератур, с ориентацией на которые были созданы произведения, относящиеся к жанру кысса. В рамках татарского литературного процесса возникло синтетическое начало, обусловленное естественностью присутствия арабского, персидского и собственно тюрко-татарского элементов. В ходе интерпретации произведений было выявлено, что все рассматриваемые в рамках диссертационной работы произведения, сохранившие композицию и жанровые особенности оригинала или турецкого перевода, были дополнены новыми сюжетами и элементами, адаптированы для татарского читателя. Эти вторичные тексты смогли соединить арабско-персидские литературные и языковые традиции с фольклорными мотивами своего народа, в них находят отражение и собственно авторские элементы повествования.

Исследовательское обращение к жанровым особенностям и анализ стилистических средств подтверждают их взаимообусловленность. Рассмотренные нами стилистические приемы восходят к традициям стиля письменного литературного языка анализируемого периода. В языке произведений переплетены элементы народно-разговорного и старотатарского литературного языка. Анализ показал, что эти произведения привнесли в татарскую литературу новые сюжеты, обогатили татарский язык новыми стилистическими средствами и лексическими единицами, способствовали формированию новых лингвокультурных реалий.

Трансформации, наблюдаемые в текстах кысса, были обусловлены потребностями и возможностями как непосредственно самого языка исследуемого периода, так и системы мировоззрения татарского читателя.

Изучение общих для всех произведений сценариев трансформации позволило сделать вывод о том, что авторы-переводчики сумели передать в адекватных пропорциях восточную экзотику и литературные традиции, сохраняя структуру текстов оригиналов.

Таким образом, результаты исследования показали, что изученные нами произведения создавались на основе определенного прототекста на базе татарского языка рубежа XIX–XX веков и отражают те тенденции, которые наблюдались в языке исследуемого периода. В этих произведениях наблюдается синтез восточных литературных традиций и языковых традиций с фольклорными мотивами татарского народа, а также собственно авторских элементов повествования. Впервые представленный в истории татарского языкознания репрезентативный комплекс переводных произведений исследуемого периода доказывает их оригинальность как самостоятельных сочинений. Многофакторный анализ в контексте становления и развития современного татарского литературного языка позволяет заявить об их жанровой, стилистической и языковой общности. Комплексное исследование текстов кысса второй половины XIX – начала XX века с жанровой, стилистической, структурно-композиционной, лексико-семантической и морфологической характеристикой в историко-культурном контексте демонстрирует специфику становления современного татарского литературного языка.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на сравнительно-сопоставительное, диахроническое изучение лингвистического, жанрового, стилистического своеобразия текстов кысса, созданных в разные периоды, что позволит выявить основные тенденции эволюции жанра кысса в татарской культуре. Исследования в этом направлении также дадут возможность проследить развитие татарского литературного языка в диахронии и охарактеризовать специфику изменения лексико-семантической и грамматической структуры татарского языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Гилемшин Ф. Ф. Особенности перевода «Тысяча и одной ночи» на татарский язык (язык и стиль) / Ф. Ф. Гилемшин. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – 138 с.
2. Гилемшин Ф. Ф. Арабские сказки в системе татарской культуры и языка / Ф. Ф. Гилемшин. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 118 с.
3. Гилемшин Ф. Ф. Кысса в системе татарского литературного языка второй половины XIX – начала XX века / Ф. Ф. Гилемшин. – Казань: Фэн, 2022. – 340 с.

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
входящих в перечень ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации:*

1. Гилемшин Ф. Ф. Старотатарский литературный язык XIX века: проблема изучения языка переводов восточной литературы / Ф. Ф. Гилемшин // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – № 4. – С. 38–42.
2. Гилемшин Ф. Ф. Лексика сказок «Тысяча и одна ночь»: аксиологический и когнитивный аспекты / Ф. Ф. Гилемшин // Казанская наука. – 2015. – № 12. – С. 115–117.
3. Гилемшин Ф. Ф. Космонимы «Солнце», «Луна», «Месяц» в научном, лингвистическом, мифологическом и символическом аспектах (на материале русского перевода сказок «Тысяча и одна ночь») / Ф. Ф. Гилемшин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8-1 (62). – С. 94–99.
4. Гилемшин Ф. Ф. Семантика компонентов цветовой гаммы в сказках «Тысяча и одна ночь» / Ф. Ф. Гилемшин // Проблемы востоковедения. – 2017. – № 1 (75). – С. 48–52.
5. Гилемшин Ф. Ф. Антропонимическая лексика татарского перевода произведения «Тысяча и одна ночь» / Ф. Ф. Гилемшин // Казанская наука. – 2018. – № 7. – С. 58–61.
6. Гилемшин Ф. Ф. Лексика дикой природы в переводных произведениях конца XIX – начала XX века (на примере произведений «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Тутынаме» и «Рассказ о сорока визирях») / Ф. Ф. Гилемшин // Казанская наука. – 2018. – № 11. – С. 94–97.
7. Гилемшин Ф. Ф. Особенности употребления соматической лексики в татарском переводе произведения «Тысяча и одна ночь» / Ф. Ф. Гилемшин // Казанская наука. – 2018. – № 7. – С. 62–64.
8. Гилемшин Ф. Ф. Религиозная лексика в переводных произведениях конца XIX – начала XX века (на примере произведений «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Тутынаме» и «Рассказ о сорока визирях») / Ф. Ф. Гилемшин // Казанская наука. – 2018. – № 11. – С. 90–93.
9. Гилемшин Ф. Ф. Ценностные категории в татарском переводе сказок «Тысяча и одна ночь» / Ф. Ф. Гилемшин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 11-2 (89). – С. 313–317.
10. Гилемшин Ф. Ф. Эмоциональная лексика в татарском переводе сказок «Тысяча и одна ночь» / Ф. Ф. Гилемшин // Казанская наука. – 2018. – № 6. – С. 53–56.
11. Гилемшин Ф. Ф. Элементы разговорного языка в тексте переводного произведения Каюма Насыри «Абугалисина кыссасы» / Ф. Ф. Гилемшин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. – Т. 163. – № 1. – С. 93–100.

12. Гилемшин Ф. Ф. Имя числительное в татарских текстах кысса второй половины XIX – начала XX века / Ф. Ф. Гилемшин // Филология: научные исследования. – 2022. – № 1. – С. 50–57.
13. Гилемшин Ф. Ф. Категория наклонения в татарском переводе произведения «Тысяча и одна ночь» / Ф. Ф. Гилемшин // Филология: научные исследования. – 2022. – № 2. – С. 47–53.
14. Гилемшин Ф. Ф. Особенности употребления местоимений в татарских произведениях жанра кысса второй половины XIX – начала XX века / Ф. Ф. Гилемшин // Litera. – 2022. – № 2. – С. 82–90.
15. Гилемшин Ф. Ф., Галиуллина Г. Р. Причастие прошедшего времени в татарских текстах кысса второй половины XIX – начала XX века / Ф. Ф. Гилемшин, Г. Р. Галиуллина // Litera. – 2022. – № 1. – С. 19–25.

Статьи в иных научных изданиях:

16. Гилемшин Ф. Ф. Изучение «Тысяча и одной ночи» на Западе и на Востоке / Ф. Ф. Гилемшин // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы: материалы Международной научной конференции. – Казань, 1995. – С. 43 (на татарском языке).
17. Гилемшин Ф. Ф. Женщины-мусульманки в произведении «Тысяча и одна ночь» / Ф. Ф. Гилемшин // Сююмбике. – 1997. – № 10. – С. 32 (на татарском языке).
18. Гилемшин Ф. Ф. «Тысяча и одна ночь» и татарская литература / Ф. Ф. Гилемшин // Мирас. – 1998. – № 12. – С. 159 (на татарском языке).
19. Гилемшин Ф. Ф. Арабские притчи в переводе на татарский язык (по произведению «Тысяча и одна ночь») / Ф. Ф. Гилемшин // Бодуэн де Куртене и современная лингвистика: сборник докладов конференции. – Казань, 2001. – С. 253–255.
20. Гилемшин Ф. Ф. Язык татарского перевода «Тысяча и одной ночи» / Ф. Ф. Гилемшин // Мирза Казем-Бек и отечественное востоковедение: материалы Международной научной конференции. – Казань, 2001. – С. 165–167.
21. Гилемшин Ф. Ф. Языковые особенности татарского перевода «Тысяча и одной ночи» / Ф. Ф. Гилемшин // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы конференции. – Казань, 2002. – С. 275–277.
22. Гилемшин Ф. Ф. История языка книги «Сто одна ночь» / Ф. Ф. Гилемшин // Востоковедение: сборник статей и докладов. – Вып. 1. – Казань, 2003. – С. 58–61.
23. Гилемшин Ф. Ф. «Так знакомятся арабы» / Ф. Ф. Гилемшин // Идель. – 2004. – № 11. – С. 37–38 (на татарском языке).
24. Гилемшин Ф. Ф. Описание героев в «Тысяча и одной ночи» / Ф. Ф. Гилемшин // Востоковедение: сборник статей и докладов. – Вып. 2, 3. – Казань, 2005. – С. 93–96.
25. Гилемшин Ф. Ф. Филологические труды М. А. К. Казем-Бека / Ф. Ф. Гилемшин // Востоковедение: сборник статей и докладов. – Вып. 2, 3. – Казань, 2005. – С. 37–42.

26. Гилемшин Ф. Ф. Бинарные ценностные категории в системе народных примет / Ф. Ф. Гилемшин // Основные вопросы лингвистики и лингводидактики: IV межвузовский сборник научных трудов по филологии. – Астрахань, 2009. – С. 24–27.
27. Гилемшин Ф. Ф. К вопросу об интерпретации паремий в свете языковой картины мира / Ф. Ф. Гилемшин // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151. – № 3. – С. 269–275.
28. Гилемшин Ф. Ф. Старотатарский литературный язык XIX века: употребление слов и словосочетаний живого разговорного языка в переводных произведениях восточной литературы / Ф. Ф. Гилемшин // Татарская культура в контексте Европейской цивилизации: материалы международной научной конференции. – Казань, 2009. – С. 118–120.
29. Гилемшин Ф. Ф. Семантико-прагматический статус народных примет // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 3-2. – С. 56–60.
30. Гилемшин Ф. Ф. Функционирование глаголов модуса в народных приметах / Ф. Ф. Гилемшин // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 3 (21). – С. 157–161.
31. Гилемшин Ф. Ф. Категория имплицитности как системообразующая в народных приметах / Ф. Ф. Гилемшин // Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей: материалы международной заочной научно-практической конференции (28 октября 2011 г.). – Казань: КГМУ, 2011. – С. 55–60.
32. Гилемшин Ф. Ф. Болезни и средства их лечения в современной и народной медицине // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. – 2016. – Т. 18. – № 5. – С. 81–84.
33. Гилемшин Ф. Ф. Шамаили казанских татар как социально-культурное явление / Ф. Ф. Гилемшин // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 4-3 (28). – С. 89–94.
34. Гилемшин Ф. Ф. Особенности текстового содержания арабографических шамаилей казанских татар / Ф. Ф. Гилемшин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8-2 (74). – С. 29–32.
35. Завгарова Ф. Х., Гилемшин Ф. Ф., Мансурова Г. К. Семантически нагруженный элемент татарского дома тушэм (потолок) как хрематоним / Ф. Х. Завгарова, Ф. Ф. Гилемшин, Г. К. Мансурова // Казанская наука. – 2019. – № 12. – С. 156–158.
36. Гилемшин Ф. Ф., Гилемшина А. Г. Образ женщины в сказках «Тысяча и одна ночь» // Казанская наука. – 2020. – № 10. – С. 18–21.
37. Гыйлемшин Ф. Ф. Гарәп әкиятләрендә хатын-кыз образларының сурәтләнеше («Мең дә бер кичә» әкиятләре мисалында) // Фәнни Татарстан. – 2020. – № 4. – Б. 55–60.

Список сокращений

[Әбу] – Әбугалисина кыйссасы = Рассказ Абугалисины (на татарском языке).

[Әлфү] – Әлфү ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь Т. 1. (на татарском языке).

[Әлжилдү, 2] – Әлжилдү әс-сәни тәржәмәти әлф ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 2. (на татарском языке).

[Әлжилдү, 3] – Әлжилдү әс-сәлисү тәржәмәти әлф ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 3. (на татарском языке).

[Әлжилдү, 4] – Әлжилдү рәбигү тәржәмәти әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 4. (на татарском языке).

[Әлжилдү, 5] – Әлжилдү хәмисү әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 5. (на татарском языке).

[Әлжилдү, 6] – Әлжилдү сәдисү әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 6. (на татарском языке).

[КВ] – Кырык вәзир кыйссасы = Рассказы сорока визирей (на татарском языке).

[КД] – Кәлилә вә Димнә китабы= Книга «Калила и Димна» (на татарском языке).

[ТН] – Тутыйнәмә =Тутынаме (на татарском языке).

